

Мартиша Риш

Мартиша Риш Драконова жажда

<https://litres.ru/74204979>

Аннотация

Все хоть раз мечтали полетать на драконе. Земля захвачена, а я очутилась в объятиях зверя. Статный, богатый, властный мужчина в обеих своих ипостасях - черный дракон. #властный_геройСказка воплотилась ужасающей явью. Мир изменился, главенство вида мы уступили вторженцам. Сказочные герои совсем не такие как о них рассказывали в детстве. Опасные, умные, жадные звери. Людей теперь мало осталось в живых на Земле.Один из драконов выбрал своим трофеем меня, держит в увенчанной когтями огромной лапе, уносит за океан... Кто возьмёт верх? Он? Или я смогу одурманить вторженца собой? Удастся ли людям вернуть себе свободу и Землю?Найти бы хоть кого-то из из наших, из обычных людей. Димка! Ты среди них? Ответ! #от ненависти до любви #главная_героиня_истории_женщина #главная_героиня_рождена_на_Земле #богатый и властный герой

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	54
Глава 7	64
Глава 8	73
Глава 9	79
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Глава 1

Марго
Путь до работы занимает всего квартал, близко. Вчера прошел ливень, в ложбинах грунтовой дороги сверкают серебром огромные лужи. Стараюсь их обходить, жаль тонких ботинок. Каждая лужа - целый мир. Подернутые ряской берега, хрустальная гладь наподобие озера, в ней отражаются дома и голубое яркое небо, прикрытое белыми облачками.

Медленно надвигается тень, закрывая от меня солнце, это не туча, слишком быстро движется. Ещё минута и над гладью мелькнёт силуэт дракона. Прямо смотреть, задрав голову вверх нельзя, слишком мало времени утекло со Вторжения. Дракон может посчитать мой взгляд неуважением или даже угрозой. Сожжёт, не задумываясь. Прямой взгляд на победившую в войне расу крылатых под запретом. Зато в луже я могу рассмотреть все обводы крылатого зверя. Бархатно-черный, огромный, с длинным хвостом, шип на конце серебряного цвета. Неужели пожаловал сам инквизитор? Что ему делать по эту сторону света?

Мир давно захвачен драконами. То, что казалось диким тогда, до Вторжения, сейчас воспринимается как неоспоримое многими благо. Попробуй хотя бы думать иначе - убьют или сошлют добывать цветы горной породы. Неизвестно ещё, что хуже. Старые сказки обрели плоть, чешую и

жар звериного пламени, испепеляющего, грозного, непоколебимого как сама твердь земная.

То, что в моем собственном детстве казалось лишь выдумкой, стало теперь неоспоримой явью. Электричество, по которому я так скучаю, наоборот, вспоминается только лишь доброй сказкой. Его место занял огонь и редкие магические артефакты, но они дороги и доступны только правящим избранным семьям. Остальным, таким как я, приходится довольствоваться дровяными печами, лучиной, восковыми свечами и площадками горящего утиного жира. А белье стирать и вовсе руками. Человеческий мир откатился в средневековье. Первые годы дались особенно тяжело, сейчас стало намного легче. Привыкли, да и драконы изменили свое отношение к нам. Дают право на жизнь, взамен, правда, берут, что хотят. И никогда не видят сопротивления, чтобы они не присмотрели себе. Жизнью правит закон зверя.

Окна таверны раскрыты настежь, с улицы слышно, как Анна выметает начисто пол, затем будет мыть, вычищая каждый уголок. Я же займусь посудой. Ненавистная, но не слишком тяжёлая работа, мне, можно сказать, повезло. Протереть все тарелки, начистить до блеска медную утварь, быть готовой подать блюда на стол. Хозяин вечно попрекает, заведя след патины у витой ручки чайника: «Вдруг таверне окажет милость своим посещением высокородный дракон!» Ага, как же, что он может позабыть на окраине, да ещё в таком месте? Если кто и заглянет, так только из синих пред-

ставителей расы зверь. Те у нас частые гости, собираются компаниями каждый день и особенно много их становится к ночи. Собственно только ради их блага и было выдано разрешение на открытие заведения, насколько я знаю. Самые мелкие, яркие, эти драконы стоят на низшей ступени иерархии чешуйчатых, следят за порядком, стерегут добытые людьми блага. Ниже их только люди и гномы. Те тоже переселились на нашу планету после захвата, а может, и раньше где-то таились. Их и сейчас не особо-то видно.

Подобрав подол юбки, вприпрыжку проскочила три деревянных ступеньки крыльца. Внутри зала растекается сытный аромат гречневой каши. Роскошь. Единственная натуральная еда за день, которая нам позволительна, аромат просто дурманит, сводит с ума, заставляя рот наполняться слюной. Одна из самых весомых причин, по которой я так дорожу именно этой работой. Зал ещё пуст, слишком рано, хозяев тоже на месте нет. Может, обнаглеть? Позволить себе присесть за гостевой стол, пока никто не увидел. Риск огромен и явно того не стоит. Проще укрыться на кухне и поесть как подобает, стоя перед длинным высоким столом, раньше, до Вторжения, такие назывались барной стойкой.

- Даже не думай! Бедовая твоя голова! Вдруг кто из этих заглянет поутру. Всякое может случиться, - покачала головой Анна, приметив мой взгляд, брошенный на широкий натертый льняным маслом стол.

- Я и не думаю.

- Косынку-то повяжи, прикрой волосы. Не кликай беду понапрасну.

- Мне-то зачем? Кому я такая понадобится?

Изредка драконы уносили людок, как они нас презрительно называют, за океан. Почти всегда выбирали пышнотелых брюнеток. Как, когда и по какому принципу выбирали, никто не знал. Зачем им были нужны девушки - тоже. Могли утащить среди ясного дня прямо с улицы, или вечером со двора, а то и вовсе с работы. И отказаться не смела ни одна, многие пытались в первую минуту встречи вырваться из жестких объятий, но редко кому это удавалось. Через минуту или две в руке мужчины-дракона оставалась покорная бездумная кукла. Уносят, всегда обернувшись в звериную ипостась, зажав прямо в лапах, даже не на спине.

Говорят, выбирают исключительно девственных. Врут, скорее всего. Месяц назад унесли Джулию, а она была замужем, правда, всего один день. Мне почти ничего не грозит, да и бояться я не готова. Зачем? Я блондинка и тощая как доска. Ни попы, ни бедер, груди тоже почти что нет, слишком худая, чтоб где-то завелась на костях приятные драконьему глазу формы. Потому и не надеваю платок, чтобы сразу было видно толстую светлую косу, мой оберег от всех бед этого мира. Еще одна причина не прятать волосы под косыночкой - во мне теплится крошечный магический дар, только об этом никто не должен узнать. Никто и не чует. А вот стоит надеть платок на голову, все сразу становится ясно, если смотреть.

По краям видимо лёгкое как отсвет свечи сияние, сильный дракон его сразу увидит. Даже зимой я стараюсь не покрывать головы. Боюсь. Инквизиторы к нам почти не заглядывают, но всякое может случиться, видела же я сегодня одного в небе. У магов судьба коротка и незавидна. Лучше померзнуть лишний раз пусть даже и под проливным дождем. Впрочем, климат тут мягкий, зимы почти не бывает. От силы выдаётся пара недель лёгких морозов. Снег и то можно увидеть не каждую зиму.

В первый год после Катастрофы дар проснулся во многих. Говорят, так часто бывает после великих событий или накануне их наступления. Нас было пятеро сирот под крылом у наставника. Собрал он всех, кого смог найти. После Вторжения выжила я одна, самая слабая из ребят. Потому, наверное, и уцелела. Сложно поверить, что инквизитор способен на жалость.

Руины аптеки, в которой мы жили, черные драконы окружили со всех сторон, даже не пытаясь скрываться. Оборачивались в подобие людей, стоило их когтям коснуться земли. Лишь один так и остался кружить в небе, следить.

Высокие, широкоплечие воины в неизменно длинных плащах с меховой оторочкой. Глаза похожи на медные пуговицы и светятся даром. Они его и не скрывают, зачем. Остальные начали сужать круг.

- Уходите каждый своей дорогой. Книги с собой не брать, насколько смогу - задержу, - жевнул губы учитель и прошел

к лестнице неторопливым шагом, чуть прихрамывая на правую ногу. Сколько раз до этого мы все обсуждали план на случай если обнаружат, поймают. Грозилась никого не бросать, спастись так вместе. Тогда же никто не осмелился возразить учителю ни словом, ни делом. Я лезла через оконце подвала, с трудом цепляясь ногтями за гладкую стену. Снаружи упёрлась носом в высокие сапоги собственной смерти – черного дракона. А он не то меня не заметил, не то не счёл нужным марать руки о замухрышку. Мне удалось убежать под раскаты рвущегося к небу синего пламени. Как давно это было и как остро я ненавижу каждого из тех, кто был там. Каждого инквизитора. Аптека выгорела дотла вместе со всеми.

Рou

Город подо мной переливается, должно быть, тысячей всевозможных огоньков и огней, из печных труб выются струи едкого дыма. Человеческое место, трущобы. Затхлая часть освоенной нами планеты, та, в которой встречаются хрупкие людки, изредка даже красивые. Наша раса давно утратила второй пол. Глупое, вынужденное, теперь уже ничем не оправданное колдовство. Тогда мы ещё не забрали себе эту и многие другие пригодные для нашего благоденствия планеты. Жизнь была скупа на подарки и пищу, драконий род вымирал. Женщины всех рас слишком хрупки, жалостливы, бесполезны, ещё и сварливы. Обуза для рода.

Я - менталист, мне ли не знать что у них в голове. Точнее,

я умею осознавать, пропускать через себя весь спектр эмоций живого. Отличать ложь от правды, наслаждаться словно напитком всей гаммой чувств другого разумного, вкушать ее. Некоторые люди способны только на пресные эмоции, однотонные. Другие выдают насыщенный спектр, похожий на пряную сдобу. Колкая ненависть, страх, горечь разочарования, радость встречи. Чем шире спектр эмоций, чем чаще они приходят на смену друг-другу, тем мне вкуснее, тем больше я наслаждаюсь полученным удовольствием. Смакую как дорогой эликсир. Казалось бы, вонзи коготь под тонкую людскую шкуру и сможешь испить чашу страха до дна, припорошенную сверху жгучей болью. Надоело. Слишком пресно. Или пресыщен я.

Сегодня особенный день, если уж я, господин старший инквизитор Роу, вышел на охоту за усладой для себя самого. В моде пухленькие как сдобные булочки, широкобедрые, чтоб проще было родиться дракону, если девица задержится подле своего господина надолго и сможет понести. Некоторые желают обрести девственную усладу, говорят они слаще. Врут. Человечки все практически на одно лицо, да и чувства у них во многом схожи. Дело решает запах и вкус. Сын, от драконов рождаются только дети мужского пола, мне не нужен пока. Ещё достаточно времени, чтобы думать об этом. Хватать первую попавшуюся я не готов. Надо повыбирать, определится получше.

Мало кто из людей знает, что все подходящие драконам

девушки уже несут на себе особую метку, жаль таких девушек осталось не так уж и много на этой планете. Люди в принципе не очень умны. Многие наши ухищрения воспринимают как неоспоримое благо. Семье, из которой дракон навсегда забирает девицу, вешают особый знак на дом. Люди считают знак оберегом и верят, что он приносит им дни, лишённые бед. Простой кусок дерева без колдовства. Смешные.

Всего-то знак, что в этой семье могут родиться подходящие девочки для слияния. К таким семьям внимания от протектората несколько больше, их особенно берегут, в надежде получить ещё нескольких. Только лишь за этим. Никто из людей не знает, каков мир на наших землях по ту сторону океана, только распускают досужие слухи, ворошат старые бумажные карты. Мир захвачен уже десять лет назад, а они все хранят кусочки старой бумаги. Осколки своей старой цивилизации, никому кроме них теперь и не нужные, бесполезные. Мир значительно изменился. И климат, и очертания материков. Те просторы, на которых лежал снег, теперь зеленеют. Там для нас растят скот, драконы охочи до мяса, его нужно много.

Мы развязали большую войну, Катастрофу, как ее принято здесь называть. Всего-то потребовалось внушить главам стран нужные мысли. Война уничтожила многих людей. Драконы тогда не осознавали ценности людо́к. Двухногие, бесполезные потребители ресурсов нашей планеты. Плани-

ровалось оставить только каждого двадцатого человека для утоления наших потребностей. Через год от начала войны первые драконы спустились на землю. Началось Вторжение. Уничтожили все оружие, технику, то, что создавало и подавало в дома энергию для технических ухищрений, опустошили и снесли города, оставив лишь некрупные поселения.

Люди вблизи оказались довольно похожи на драконов в меньшей из ипостасей. Грех не воспользоваться. Мы ели чистую, лишённую химических запахов еду, пили родниковую воду и наслаждались пойманными девицами согласно вечному праву захватчика. Впереди была огромная работа: расчистить земли, откорректировать климат, заложить фермы для откорма скота. Через три дня Вельс наткнулся на черноволосую, манкую, яркоглазую. Она бросилась из руин дома ему под ноги, убегая от мужчины своего вида. Росчерк когтя, он даже не стал оборачиваться, и соперник погиб. Женщину он взял как законный трофей. Перед глазами навсегда застыла картина судьбоносного для всей расы открытия. Он не стал бегать за людкой, не стал ловить, подманил куском вяленой оленины. Проявил терпение, дал ей его проглотить и утащил в одно из наших укрытий, перевалив через плечо. Та даже не билась толком, одурманенная феромоном. Вельс нарочно окутал ее густым облаком своего запаха, он действует на женщин почти так же как и дурман.

Утром благая весть разнеслась над лагерем. Женщина сохранила в себе семя дракона, и то пустило росток. Снача-

ла никто не поверил, но ауру не обманешь. Дракон был в ней, маленький, ещё только зародыш, но был. Мы получили надежду на восполнение расы. Род может быть продлен и без драконов. Всего-то нужно выбрать себе одну из подходящих людишек. В год по ребенку и через десять лет у меня будет большая семья. Выводок. Да и не только для продления рода держат в доме девицу. Порой даже и не одну. Я один только медлил, все ждал чего-то. Брезговал посещением публичного дома. Искал, порой даже на улицах, тех, с кем хотя бы не противно будет провести ночь. На человеческих землях инквизитору зазорно терять контроль над собой. А нести за океан, что придется, не хотелось бы.

Дорогие друзья!
Эта книга несколько жестче того, что я обычно пишу. Со всем грязи и гадостей нет, этого можно не опасаться. Горячие сцены есть) Но тон повествования совершенно другой.

Я предупредила! И приятного вам чтения!

Глава 2

Марго

Ко времени ужина таверна заполнилась до отказа. Синими драконами заняты все столы. Звери, скрывшие свою суть под обликом человека. Широкоплечие, сероглазые, рыжеволосые, наглые, сильные господа. Посмей только оторвать глаза от пола или сказать что-нибудь невпопад, можно загреметь в их канцелярию, а это действительно страшно. Оттуда мало кто возвращается целым и здоровым. Глаза нельзя поднимать, случайный взгляд дракону в глаза - признак агрессии для мужчины или вседозволенности для девушки вроде меня.

Блюда ломятся от провизии, а им все мало и мало. Едят только мясо, полусырое, обваленное в мелко покрошенных овощах и смеси из горьких трав. То и дело норовят дёрнуть за косу, играючи, а если уж схватят - держись, заиграют, заставят прислуживать одному только мужчине. Это не столько сложно, сколько мерзко по сути своей, трепетать, отводить взгляд, уворачиваться от навязчивых прикосновений. И это ещё им моя фигура приходится не по нраву, о чем говорят, не стыдясь, каждый раз. Споро разношу огненный джерт в тяжёлых кружках грубой работы гномов. Стальные, широкие, в каждую вмещается никак не меньше литра и напиток горит. В зале пахнет яростным неудержимым звериным ду-

хом. Не мерзким, но распаляющим страх и желание покориться захватчикам, будто дурман разлит по воздуху. Руки дрожат от усталости, ноги еле ступают, живот сводит от голода до тошноты, каша была так давно, а до брикетов я так и не успела добраться. Черные, состоящие из якобы невероятно полезной смеси масел, злаков, витаминов и белка неясного происхождения, по вкусу та ещё твердая, склизкая дрянь. На ощупь похожая на смесь халвы с пластилином. Ими обеспечивают всех людей без разбора подобно скоту.

- Солонины! - выкрикнул один из господ. Считай, повезло, можно отлучиться в кладовую.

Успела только положить ладонь на стальную ручку узенькой дверцы, развернувшись к залу спиной. Позади стихли все голоса, перестала звенеть даже посуда, стали четко слышны шаги кого-то особенно крупного. Грохот споро отодвигаемых по деревянному полу кресел, стульев, шорох одежды. Я позволила себе обернуться ровно на долю секунды перед тем как проскользнуть в дверь. Посреди зала стоял инквизитор на голову выше любого из собравшихся здесь. Черный дракон во второй ипостаси. В человеческом облике действительно мощный, крепкий, налитой весь, волосы небрежно стелются по плечам, поверх костюма накинут бархатный плащ. Меня не успел заметить и чудно. Как же я их ненавижу, Инквизиторов, высшую власть, тех, кто встал над нашим миром. Выше их только глава. Кажется, его выбирают раз в сотню лет, но людям особо не рассказывают о том, что про-

исходит на драконьем материке.

Радует только одно, обратно я могу особенно не торопиться. Уж минута у меня, всяко, есть. Кладовая огромна, занимает половину первого этажа. Лари с крупами вдоль правой стены зачарованы накрепко, ни одна крыска не проберется, дубовые бочки с мукой и напитками сложены у стены в несколько рядов. В холодильных установках лежат горы мяса. По правую стену свалены наши брикеты, завёрнутые в промокшие от масла бумаги. Ещё одна дверца ведёт в кабинеты хозяев таверны, там они подсчитывают доходы и пишут списки продуктов. Сколько потрачено, кто заказал. Муторная работа, ошибка может стоить им жизни, драконы не терпят расточительства, траты еды понапрасну, жадные скряги. А впереди, в самом темном углу свисают с потолка крупные куски солонины. Рядом с ними на высоком чурбаке лежит специальный острый нож для нарезки. Отерла плоское блюдо подолом, поставила на чурбак вместо ножа. Пахнет одуряюще вкусно, по животу прошла дрожь. Желтоватые прослойки сала между толстых пластов бордового просоленного и сдобренного травами мяса. Наверное, если отрезать только один прозрачный ломтик никто ничего не заметит. Это даже и куском-то не назовешь, так, на пробу. Иначе я просто скоро упаду в обморок. Тем более, сейчас, когда в зале стоит сам инквизитор, сюда точно никто не войдёт. Ну же, действуй, а то будет поздно, сколько времени ты ничего такого не ела, только полосочку тонкую как листик бумаги. Рот наполнил-

ся слюной и я решилась. Нож вошёл, будто в масло. Тонкий слой скручивается сразу в небольшой рулончик. Подхватила его на ладонь и положив нож на блюдо начала жевать, чуть ли не всхлипывая от накатившего счастья. Проскальзывает по горлу, опускаясь в живот. Сытость не наступила, но сразу стало легче дышать. Теперь нужно нарезать остальные ломти для драконов. Сколько сказали, ровно пять штук, каждый толщиной в палец. Дожду только последний кусочек.

- Гадина какая! Жрет драконы запасы! - я обернулась на голос. Клаус, младший из братьев, с этим договориться будет особенно нелегко. И никакие увещевания мне теперь не помогут. Сдаст прямо сразу, точно, сдаст. Или выгонит с работы. Что я тогда буду делать?

- Мерзавка, - пощёчина пришлась по левой щеке, от удара я чуть не свалилась, тут же он намотал косу на свой широкий кулак, зажал к стене, навис, глаза злые, полупрозрачные, страшные.

- Решила меня подвести под расправу?

- Я только кусочек, никто не заметит.

- А если все так возьмут, тогда что? Или ты думаешь, что особенная? Ну? Говори!

- Обычная, как все. Меня посетители ждут, отпустите.

- Раньше думать надо было. Сейчас уже пьяные все, твою пропажу никто и не заметит. А то хочешь, вышвырну в зал и расскажу, кто ворует. Так сделать?

- Нет, - в ужасе я замотала головой, напрочь забыв про намотанные на кулак волосы, боль прошила голову сотней иголок, на глазах выступили слезы.

- Ну смотри, ты сама так захотела! И только попробуй заорать.

Теплая ладонь пролезла под платье, сминая подол, и лезет все выше, вот-вот коснется невесомой ткани белья. Не такого, как теперь шьют, а кружевного из старых запасов.

- Пожалуйста, не надо. Там Инквизитор в зале.

- Лгунья! Что он здесь мог забыть? Готовилась, что ли? - жесткие пальцы коснулись края белья, - и не реви мне.

И деться никуда не денешься из стальной хватки. Заорешь, будет хуже, никто не станет из-за меня рисковать, а драконы ещё и насладятся ярким зрелищем. Звери не знают стыда, безжалостные в обеих своих ипостасях. С треском порвалась красивая вещь.

- Обопрись о чурбак.

- Не надо! Я отработаю, как скажете.

Роу

Рыжие, черноволосые, стройные и весьма упитанные самочки. Разные внешне, но слишком похожие по эмоциям. Бояться, некоторые смутно хотят познакомиться ближе. Звериная суть беснуется изнутри, жаждет скорого наслаждения. Взять можно любую, каждая сотая способна продлить род. Запах женского тела манит, пробуждает инстинкты, велит воспользоваться правом захватчика, отбить, увести за собой.

Стальная воля приказывает оглядеться сначала, выбрать с толком, с умом, найти именно ту, с которой захочется провести не одну ночь. По ту сторону океана усладу принято держать при себе, хочется найти что-то особое, редкость, не такое как у всех. Изящный хрупкий цветок, манящий ароматом, отдатливый, робкий. Пусть не очень воспитанный, с этим я сам разберусь. Ярость застилает глаза, зверь внутри воеет, хочет сразиться с врагом, с тем, кто мешает взять здесь и сейчас. Я сам себе враг, равных мне по силе нет по эту сторону мира.

Синий дракон, никого не смущаясь, целует людку прямо на пороге дома увеселений. Рыкнул против воли, не сдержался. Через секунду на том месте никого уже не было.

Дорога пахнет мокрым песком, сапоги чуть скользят. Все достойные места я уже обошел, на завтра дело отложить точно не выйдет, слишком давно я не был в городе людей, запахи и многообразие чувств одурманили мою звериную суть.

Весёлыми огоньками сверкнула таверна, и мне почудился аромат тонкой кожи, немного пряный, сладковатый, вкусный. Скорее, даже тень от него. Жадно вдыхая воздух, направился в двери. Внутри сплошь синие. Сжечь их, что ли? Чтоб не путались под ногами, не сбивали моего зверя с ускользающего следа. Сами все поняли, вскочили, склонились и отбежали к стенам. Ни один даже глаз на меня не поднял. Жаль, убивать абсолютно не за что. Глубоко вдохнул, запах точно витает в воздухе, смешиваясь с запахом других

людишек и этих. Я не ошибся на входе. Обвел глазами весь зал, тут подходящей мне девушки нет. Дверь в помещении только одна - входная.

- Где дверь в кладовую? Или на кухню?

- В том углу, инквизитор. Да стелется тьма у вас под ногами, - указал мне дорогу крайний к углу. Рычание не сдержал. Он слишком близок к моей законной добыче, смёл в стену лёгким прикосновением. Вдохнул глубже, запах определенно идёт из угла. Дверь только очень узкая, еле протиснулся.

Девушка замерла у стены, выставив напоказ тонкие ножки, смотрит вперёд и не на меня. А саму её уже трогает мой соперник. Росчерк когтя по горлу, сладковатый аромат хлещущей на пол крови, тело гулко упало на пол, девушка резко склонилась следом за соперником. Я зарычал. Ужас затопил помещение, но кроме ясного мимолётного ужаса мужчины, чувства девушки имеют совершенно другую окраску. Короткое удовольствие, даже радость и никакого сожаления по убитому, острая пьянящая ненависть, брезгливость. Споро выпутывает свои волосы из чужих пальцев.

Дёрнул за плечо, помогая подняться, вдохнул глубоко и утонул в запахе. Именно тот, который я и искал. Запах горного разнотравья и юной женщины. Рассмотреть бы получше, мало ли, да и метку рассмотреть, как следует, хотя, все равно заберу. Слишком манкая для моего зверя, я и не думал, что людки такие встречаются, они обычно как-то попроще.

- В зал! - прорычал я, сгорая от нетерпения. Женское те-

ло - страшный наркотик, раз попробуешь, никогда не откажешься. Нет никакого желания терять попусту время. До моего особняка ещё добираться. А ее предстоит показать моему врачу, мало ли какой сюрприз таит в себе это тело. Мог бы выпустить феромон, одурманить ее разум, успокоить, ввести в оцепенение, но жаль упустить хотя бы одну эмоцию из столь богатого спектра. Услада, сокровище зверя, дрожит тихонько под грубой тканью своего платьяца.

Вышла на свет, хрупкая, тонкая, изящная, даже слишком. Поймал в ладонь кончик косы, вдохнул сполна ее аромат, перебиваемый запахом крови мертвого уже соперника. Вдоль стен синие жадно трепещут ноздрями, хоть бы один рискнул заявить на нее право, тут же бы убил. Инквизитору по праву сильнейшего можно убить любого, посягнувшего на его добычу.

Рыкнул для острастки, не стал сдерживать зверя, тут же по полу заскользил чистый ужас, искрящийся, острый, хрустальный. Слишком простое блюдо теперь, чтоб я захотел насладиться этой эмоцией. Людка куда интересней, боится и ненавидит, трепещет и рвется наружу. На бледной коже лица застыла влага от недавно пролитых слез, слизнуть бы, да боюсь ошибиться. Сначала пусть доктор осмотрит, ни к чему трогать языком раньше этого срока и все же огладил ладонями по бокам. Одни только кости, зада и вовсе нету. Зверь беснуется, требует все равно взять. Если болезная, сверну шею ей уже на том берегу, но никому не отдам. Моя услада.

- Встань посередине зала.

Заявлю публично свое право, чтобы все знали, кому она теперь принадлежит, и чтобы право не вызывало сомнения. Подчиняется сразу, стоит только тронуть рукой, глаза боится поднять. Взял за руку, вздернул вверх рукав серого платья, коснулся большим пальцем сгиба запястья, нанося особую метку, знак собственности инквизиторов. Татуировка в форме змея с шипением опустилась на кожу, еле поместилась на узком запястье, а девушка и не думала выдернуть руку, смотрит только украдкой. Впрочем, ей и не больно, магия лишь нанесла отпечаток на бледной коже, изменив ее цвет на иссиня-черный по форме рисунка. Не дракону этого знака не дано будет увидеть. Теперь никто не осмелится запросто оспорить право тьмы на нее. Только другой инквизитор, равный по статусу мне, но это уже станет поводом для поединка.

- Наружу.

Люди плохо понимают сложные фразы, да и я тороплюсь.

Снаружи темно, только луна светит ярко, освещая дорогу, ноздри пощекотал запах травы и свежего ветра.

- Стой, где стоишь.

Обернулся в зверя, выпуская от нетерпения пар из ноздрей. Сумрачно-черный, сияющий бархатом чешуи. Наверное, стоило ее одурманить, чтоб не испугать, чтоб не вздумала убегать, это слишком сильно раззадорит звериную суть. Поймать-то поймаю, вот только могу ненароком слишком резко сжать когти. Стоит и даже не дышит. Плавно раскрыл

переднюю лапу, растопылив пальцы, чтоб не задеть острым когтем, перехватил вокруг талии, пальцы даже сомкнулись. Слишком изящная, не переломить бы, пока донесу до скоростного перехода. Целый час лету.

Марго

Страшно так, что нечем дышать, сердце норовит выпрыгнуть наружу из клетки ребер при каждом ударе. Убил ненавистного Клауса одним росчерком когтя и даже не скривился ничуть. Зачем он только спас меня? Он, такой сильный, огромный, истинный ужас всех одаренных по эту сторону мира. Искра слаба, он может просто ее не учуять, надо держать себя в руках, хотя бы попытаться. Глаза боюсь поднять от косы, зажатой под рукой Клауса. Подхватил под локоть, кончик косы выскочил сам. Мерзость какая, надо дышать, подчиняться, если надеюсь выжить. Что его вообще сюда привело? Донос? Проверка? Обычное любопытство?

Приказывает коротко, так только на казнь выводят. Неужели кто-то заметил искорку, пламенеющую во мне, и донес?

Вперёд, в общий зал идти страшно, а придется, злить инквизитора намного страшней. Человеческая жизнь для них - пустой звук, жажда крови невыносимая. Тяжёлые шаги грохочут прямо за спиной, зачем-то коснулся руки. Хоть бы в глаза ему заглянуть напоследок, подожду, вдруг удастся продать жизнь подороже, отомстить за всех, кто был тогда со мной вместе, за наставника, это он дал нам надежду уйти.

Горячие ладони мягко прошлись по всему телу, будто бы взвесил, прикинул и подсчитал, на что сгодится моя тощая тушка, кончик злосчастной косы и тот поднес к носу. Охочие до зрелищ синие драконы даже не посмели поднять головы. Если они так боятся своего инквизитора, то мне-то что делать? Стоять и не злить понапрасну лютого зверя, может, удастся ещё убежать. Я ведь везучая.

А на улице он обернулся в крылатого зверя. Смотрю только на носочки ботинок, стараюсь не показать страха, хотя все равно ведь учует, вон как дышит. И вопросов нельзя задавать, ни единого, хочешь выжить – молчи, не привлекай внимания опасного хищника. Потянулся, растопылив когти в разные стороны, теперь точно все. Зажмурилась, не стала смотреть. Глаза открыла уже в полете. Кожистые полотна крыльев машут, роняя скупые тени, воругая у земли лунный свет. С каждым взмахом меня пробирает холодом от поднимаемого ветра, он лезет под юбку, в глаза, не даёт толком дышать. Неужели, дракон забрал меня точно так же, как до этого драконы забирали девиц? Но ведь я не потеряла рассудок, все вижу, осознаю и снова боюсь. Дыши, только дыши, тут все точно так же, как в самолёте. Помнишь, ты в детстве летала? Тогда, ещё до катастрофы, сама, одна, через океан. Полных восемь часов от Москвы. Только сейчас нет подо мной удобного кресла, лишь черная пропасть и редкие облачка, а талия сжата, словно в тисках, дышать получается очень короткими вдохами. Восемь часов, если мы поле-

тим на мою старую прежнюю родину, туда, где теперь живут драконы, я просто не выдержу. Умру по пути. Впереди машет крыльями ночная птица. Вспышка огня, и она не машет уже, пеплом осыпается вниз. Перед глазами запрыгали разноцветные зайчики, и снова нечем дышать. Хоть бы перехватил, хотя нет, отпустит, разобьюсь о землю. Дышать, не бояться, быть сильной. Легко себя уговаривать, делать сложно. Где-то впереди целое поле залито огнями, словно прожекторами, как будто бы в мир вернулось, наконец, электричество. Смотрю, замороженная неслыханным чудом. Крылья замерли, мой похититель начал заходить на посадку, смутно надеюсь, что тормозить он будет не мной. А земля все ближе, впереди сияет огнями огромное красочное здание из стекла и камней. Словно аэропорт, только весь золотой и окна огромные. Под нами крупными разноцветными плитами выложен особый узор. Бордовые, фиолетовые, лимонные квадратики образуют мозаику. Мозаикой по центру выложены распахнутые драконовы крылья. Кругом заходят на посадку другие драконы, алые, белые, золотистые, синих, ставших почти привычными, вроде бы нет. Эти намного крупнее, опасней стократ. Как только не сталкиваемся распростертыми крыльями – не понимаю. Чудится, вот-вот и собьют меня острым шипом, венчающим кожистое крыло.

Глава 3

Марго

С высоты человеческого роста он меня уронил. Повезло, что успела выставить ладони вперёд, не разбилась, только ударилась и то не особенно сильно.

- Кровь?

- Ссадина, господин Инквизитор. Тьма вам под ноги.

- Да стелется тьма у вас под ногами. Выучи, как правильно и не ошибайся, услада. Иди за моей спиной.

Короткий приказ, мы направляемся к зданию. Главное не отстать, приноровиться к широкому шагу, чтоб не растерзали другие опасные звери. «Услада» - крутится в голове. Что он хотел этим сказать? Странное слово, слишком уж много значений оно может иметь. Услада дракона – изысканное блюдо? Услада для глаз? Красавицей меня сейчас не назовешь ни по человеческим, ни по их меркам. Холодно ночью, ветер задувает под платье, приподнимает подол, от чего по телу проходит волнами неуёмная дрожь, в ней смешалось все: леденящий кровь страх, неизбывный пронизывающий до костей влажный холод. С неба изредка падают капли густой мороси, противно оседают на коже. Идти далеко, я чуть запыхалась, плиты шершавые, не скользят под ногами, присыпаны мелкой каменной крошкой, отпечатывающейся на ногах сквозь тонкую подошву ботинок. Чуть поотстала,

инквизитор замер, обернулся, но ничего не сказал. Чем ближе ко входу, тем больше людей в добротных одеждах, точнее, тех, кто накинул на себя человеческий облик. Все больше чувствую себя замарашкой, нищенкой, сквозь одежду ловлю оценивающие, любопытные, жадные взгляды. Блюдо своими ногами идёт на праздник, не иначе. И зачем им здесь столько огней, драконы - хищники и прекрасно видят во тьме. Может быть, какой-то их праздник. Оглядеться нельзя, взгляд поднимать от земли тоже не стоит. Широкие двери впереди открылись по знаку моего господина. Рукой он их не успел тронуть, да и голосом ничего не сказал.

А внутри пол укрыт алым ковром, стены припечатаны мелкими пластинками разных цветов наподобие чешуи, золотистой, алой, прекрасной, колонны из черного обсидиана, на потолок не решаюсь смотреть, для этого нужно приподнять голову, а вокруг суeta, слишком тут много их, богатых захватчиков. Ботинки дорогого пошива, брюки разных цветов, каемки роскошных плащей. Одежду драконы предпочитают выбирать в масть своего зверя.

Господин широким шагом двинулся вправо, я следом. Тут совсем другой зал, весь в черной отделке, окна светятся серебром, журчит вода в фонтане по центру. К нам бросился не дракон, нет, кто-то другой. Слишком торопливы движения, слишком тонка фигура мужчины, в лицо все же боюсь посмотреть. Только и успела выхватить взглядом, что пушистую руку этого существа. Серо-коричневый мех укрывает

ладонь и пальцы.

- Господин Инквизитор, рад служить тьме.

- Олф.

- Десять минут, погода не располагает.

- Жду.

- Да будет ваше ожидание наполнено счастливыми мыслями.

Обернулся через плечо, я успела опустить голову ниже в знаке неизменного уважения.

- В фонтане вода, можешь умыться.

Не то приказ, не то пожелание, понимай, как хочешь. Словно дикий зверёк в ловушке неумело жмусь к тому, кто меня сам же и изловил. Отходить от инквизитора тем более страшно, что сюда может войти, кто угодно и сделать сглупой девчонкой все, что пожелает. Несмело ступила два шага, подняла глаза и, наконец, рассмотрела фонтан. Огромный, нарочито красивый, лишенный видимой чаши, просто вода взлетает искрами вверх и растворяется без следа, опадая на хрустальную поверхность светлого пола. Ещё два шага, господин остался позади, не стал сопровождать, поднесла руку под струи воды, холодная, почти ледяная, такая способна утолить внезапную жажду. Ополоснула ладони, протёрла рукою лицо, вновь ее сполоснула и, не удержавшись, сделала глоток из ладошки, солоноватая, вкусная, чуть ли не с газом. С губ ушла сухость, холод растекся по горлу, здесь тепло, я уже почти согрелась после улицы, а все же дрожь пробежа-

ла по телу. Второй глоток, третий, ещё раз сполоснула лицо, чуть огляделась, и вовремя, в зал вошел другой инквизитор.

- Иди сюда, - прозвучал мгновенный приказ.

Сожалея, оторвалась от воды и поспешила исполнить приказ. Может, не тронет, если я буду послушна?

- Роу! Ты взял трофей?

- Усладу.

- Не ожидал, что твой трофей будет таким. Ты слишком долго отказывал себе в удовольствиях и вот неутешительный результат. Звериная суть сделала свой выбор за твою волю. Кости, достойные разве что пса, но никак не Избранника Тьмы. Или я чего-то не знаю?

Грозный рык, мне почудилось, что они сейчас сцепятся в драке и тогда я, наверное, смогу убежать. Пустая надежда, глупая, эфемерная.

- Я не обязан оправдывать выбор.

Торопливые шаги со стороны, боюсь посмотреть, повернуться.

- Олф, господин. Погода благоприятствует.

- За мной.

Широкие двери, коридор из стекла, а над нами темнеет ясное небо, впереди силуэт огромной черной акулы, рыба выброшена на берег. Здесь неяркой подсветки не хватает, чтобы рассмотреть толком, да и за широкими шагами я не поспеваю. Надеюсь, я не корм для этого зверя. Чуть замешкалась. Дракон коснулся рукой лощеного гладкого бока,

нутро распахнулось под его крупной ладонью. Внутри зверя салон богатой машины, какими они были раньше, какими я помню их спустя столько лет. Дракон развернулся ко мне в пол-оборота.

- Залезай, - звучит короткий приказ.

Подошла ближе, "акула" висит в воздухе, до земли где-то метр. Ступенек нет вовсе, или я их просто не вижу? Согнула колено, опустила его в мягкий ворс ковра, хоть так, пусть неуклюже, но залезть нужно, если я хочу жить. Подхватил меня рукою под зад, толкнул, я пролетела до середины и замерла, как была. Что делать дальше не знаю. Машину немного шатает, все же она лежит брюхом на воздухе, не статична. Встать или замереть у стены? Позади меня пол чуть наклонился под весом. Он просто шагнул внутрь легко и непринужденно, прищелкнул языком и сел на пухлый диван. Молчит, думает, видимо. Дверь затворилась неслышно. Страшно и очень, сейчас я полностью во власти черного инквизитора и рискнуть не смогу, чтобы он ни захотел со мной сделать.

- Сядь на скамейку, лицом ко мне.

Села, куда и сказал. Не скамейка, скорее мягкая табуреточка, только низкая очень. Мое лицо в аккурат на уровне колен господина.

Роу

Рассмотреть бы поближе, какой трофей мне достался. Платье трогать не стану, людки плохо переносят холод, совсем иначе, чем мы. А хочется сорвать эту ткань как обёртку

с подарка. Дрожит, не может согреться. Локоны цвета белого золота скручены в тугую верёвку и перевязаны на конце обычным шнурочком. Глаза и голову держит опущенными в пол, признает власть дракона, значит, покорная. Хотя, тоже не факт, это станет ясно позднее. Если что, усмирю. Скулы острые, сильно выделяются на матовой мраморно-белой коже, румянца и вовсе нет. Губы довольно пухлые, нежно-розовые, как бутончик цветка. Сладко будет ими воспользоваться, когда трещинки подживут. Манкая, тонконогая, вер эмоций изумляет ценителя. Боится отчаянно и так же ей любопытно. Любопытство зачастую признак если не ума, то способности анализировать события. Расточительством было бы держать при себе красоту и не наслаждаться ею сполна. Подцепил кончик косы острым когтем. Из её губ вырвался острый и резкий вдох, немного похожий на стон. Срезал шнурок и убрал когти. Прильнул носом, вдыхая сказочный аромат своего трофея, смешанный с запахом крови соперника. Скорей бы смыть с нее все малейшие оттенки чужого запаха. Прядь за прядью начал распускать полукольца замысловатого плетения, выпуская наружу плененные волосы, тяжёлые, гладкие, переливающиеся на ладони. Распускаясь, те ложатся волнами, напоминая собой журчащий ручей. Расплел только до середины и, наслаждаясь, погрузил пальцы в это чудо. Отдельный способ наслаждения, как оказалось, а я и не знал. Выпутал и выкинул на пол несколько тонких потертых заколочек, ей они теперь ни к чему. Выберу и куп-

лю другие, самые лучшие, драгоценные. Не сопротивляется, терпит касания, жаль, только терпит, не откликается, не подставляет голову под мои пальцы. Полностью укутана волосами, словно плащом, отгорожена от меня завесой переливающегося на неярком свету золота.

Надо бы дать девушке немного еды, приручить. Проще всего приручить любого именно едой. Я не догадался, когда летел на материк, позабыл приказать положить с собой сладостей, людки их любят. Но кто же мог знать, что именно сегодня я наткнулся на такой соблазн. Потянул магией выдвижной буфет, тот резво выкатился на середину и, сориентировавшись в пространстве, подкатился ко мне, распахнул косяжные дверцы. На блюде горой лежат сухие галеты. Справа кусок истекающего кровью сырого мяса на кости и свежая рыбина. Галеты подойдут лучше всего для моей цели. Откинул волосы с лица своей уследы и протянул одну штуку к ее губам. Облизнулась кончиком розового узкого языка, распахнула губки и уцепилась крошечными беленькими зубами. Держит, пытается укусить, но ничего не выходит. Я озадачился, впрочем, ничего удивительного. Галеты испечены для драконов. Пришлось отобрать, желая сгладить момент, провел пальцем по гладкой щеке. Дернулась, будто ее укусили. Склонившись вперёд, чтобы ей было видно, разломил галету на мелкие кусочки. Взяла крохотный кусочек, чуть касаясь губами пальцев, несмело, робко, вся дрожит. В салоне довольно тепло, должна бы уже начать согреваться. И на ко-

лени ее не посадишь, пока мы над океаном, корабль летит слишком быстро, картинка за окном напоминает скорее серое море, чем реальный пейзаж. Кто знает, как это может повлиять на усладу? Говорят, людки такое плохо переносят, пугаются, могут метаться, некоторых даже тошнит. Над нашим материком, когда будем снижаться, дам взглянуть вниз.

Все ещё жуёт, хоть и старается делать это быстро. Следующий кусочек взяла после небольшой заминки и тут же закашлялась. Подавилась крошкой, должно быть. Обхватил одной рукой за талию, подтянул к себе на колени, легонько постучал по спине. Кашляет, ёрзает, пытается сделать вдох. Наконец несчастная крошка выпала. Девушка все ещё дышит урывками, задыхаясь, беспредельно испугана. Провожу ладонью по острым лопаткам, по торчащему позвоночнику, не даю спуститься руке ниже, слишком велик будет соблазн. А я хочу вполне насладиться трофеем, если она ничем не больна. Или оборвать эту жизнь как можно быстрее, пока не увязли драконьи когти в сладком меду.

Глава 4

Роу

Скорость снижается, так же как и высота над морем, мы приближаемся к берегу. Раньше климат был иным, воздух отравлен, реки испорчены, а людские грязные города портили своим видом девство и без того скудной природы. Сейчас все обстоит совершенно иначе. От городов мало что осталось, ещё не все уничтожены, но растения берут свое. Драконы планомерно счищают с лица земли небоскребы, перетирают в пыль и магией раскладывают оставшееся на первородные составляющие - элементарии. Воздух уже много чище, но ещё не дошел до желаемого состояния, реки ничто не сдерживает, нет ни плотин, ни дамб, ни механизмов для выработки энергии. Жизнь течет своим чередом в рамках драконовой воли. По эту сторону океана люди живут поселениями при фермах, где разводят скот и выращивают посевы. В лесах ещё остались дикие поселения. В них прячутся и смеют оказывать нам, драконовой расе, дикари. Гибнут сотнями. Специально на них никто не открывает охоты, работы много и без этого, только изредка, когда их нападения на нас учащаются или же приобретают излишне замысловатую форму.

Сейчас под нами уже равнина, скоро прибудем к центральной части материка, и начнется посадка. В этой части

мира климат пришлось менять значительно. Слишком холодный для круглогодичного выращивания зерна. А без зёрен, скармливаемых скоту, мясо теряет значительную часть вкуса. После первого потепления подтаяли ледники, запасы хранимой воды потекли к югу, затапливая равнину с краев. Пришлось строить хранилище за пределами атмосферы, второй спутник планеты. Привычно, хоть и плохо, когда воды мало. Странно, если для благополучия живого воду придется эвакуировать. Впрочем, часть запасов мы удачно перераспределили по пустынным местам. Там теперь тоже можно выращивать некоторые разновидности скота, завезенного с нашей далёкой полузабытой родины и иных планет. Жарковатый климат словно специально создан для черных антилоп и диковинных эйсов.

Усадил девушку лицом к окну, чтобы та могла рассмотреть мои земли. Вид с высоты завораживает любого, ей тоже становится интересно. Острые косточки зада впиваются в бедро, и все же мгновенно находят отклик в звере. Отнюдь не пищевой интерес. Манкая, утонченная, любопытная. Позабыла о своем страхе, глаз не может отвести от захватывающего вида. Зарываюсь руками в мед ее гладких волос, осторожно, стремясь не нарушить красоты, не порвать тонких нитей, распутывая тугие скрученные в спираль локоны.

Марго

Сердце ёкнуло и затрепетало, когда "акула" поднялась ввысь. Чувствую лёгкую, на грани, вибрацию пола. Инкви-

зиторы – редкие гости в этих землях, они живут по ту сторону океана, там же, где когда-то давно жила я. Говорят, климат там сильно изменился, впрочем, доподлинно это никак не узнать, те, кого увезли драконы, назад не вернулись. Ни одна. Мужчин они крайне редко уносят на мой родной материк, в Евразию. Могла ли я думать тогда, когда мне только исполнилось девять лет, когда мир ещё не стоял на грани Катастрофы, что так буду возвращаться домой? Спустя целых десять лет. И в качестве кого? Деликатесного блюда? Редкого зверька? Любовницы? Пленницы? Синие драконы легко берут себе женщин, никуда не думая их увозить. Дома увеселения работают круглые сутки. Плати монету за вход и получай исполнение всех своих искушённых фантазий, а если хочешь особого расположения, прихвати немного еды для своей фаворитки. Много девиц идёт работать туда. Это считается престижным. Надеются, что именно им повезёт озолотиться без последствий. Мало кто сохраняет свою красоту и здоровье, драконы яростны в своей страсти, неукротимы. Много что болтают про них. Кто знает, что страшнее, то, что случается на самом деле, или вымыслы кумушек?

Шея затекла от неудобного положения и все же так хочется выглянуть в окно, посмотреть на далёкую землю под нами, вспомнить тот перелет через океан на обычном рейсовом самолёте. Сейчас такое кажется сказкой, дивным сном, выдумкой, чтобы мы, люди, могли сами выбирать, куда и когда полететь, чтоб в каждом доме было электричество, газ,

и обязательно водопровод. А из крана в ванной всегда текла горячая вода, и не надо было таскать кадушки, только для того, чтоб иметь возможность ополоснуться в ржавом тазу в закутке кухни за шторкой. Мир, который мы потеряли, мне и самой теперь кажется сном. Свободные люди, что открыто смотрят вперёд, не боясь встретиться взглядом с крылатой тварью в облиии человека.

Сидеть в тепле и ничего не делать так странно. Будто бы отдыхать – преступление. Впрочем, оно так и есть для меня. Было, пока я трудилась в таверне. А теперь, что меня ждёт, какая судьба? Если размяться совсем уж сильно, я смогу втереться в доверие, попробовать разузнать, что осталось от моего города, дома, как сложились судьбы родных. Может статься, что там остались только руины, обгорелые камни, как на этом материке. А может быть, они живы. Мама мне так давно снилась, отец даже во снах не придет. Димка, школьный друг, ему чуть-чуть не хватило баллов, чтобы уехать тогда вместе со мной. Кто знает, как бы сложилось, если б мы тогда улетели оба. Перед самой катастрофой лютовала жуткая эпидемия, сейчас многие уверены в том, что это было ничуть не случайно, что виной тому тоже были драконы. Сокращали лишнее для них слабое население. И Катастрофу тоже приписывают их потонувшим в кровавых делах когтям. Без электричества, без оружия, когда дамбы пали, разрушенные людскими руками, когда смыло прибрежные зоны, захватчикам никто не смог оказать достойного отпо-

ра. Многим даже не верилось поначалу, что драконы реальны. Пока не столкнулись лицом к лицу с новым мироустройством.

Прав был учитель, когда говорил, что если не можешь оказать достойного сопротивления – подчиняйся, прячь искру дара, пригнись, чтоб восстать, когда появятся силы. Прав, только сам выжить не смог.

Надеюсь, меня везут не на казнь, как одаренную, меченую искрой.

Дракон чуть согнулся, протянул ко мне руку. Вместо обычного аккуратного маникюра из пальца, сминая ногтевую пластину, вырвался коготь. Блестящий, черный, в светлых прожилках, острый и тонкий на конце, переходящий в лезвие по изгибу. Может быть, именно им он перерезал горло достопочтимого гада, Клауса. Сiju, боюсь шелохнуться. Неуловимым движением Инквизитор поймал кончик косы, разрезая шнурок. Далась всем сегодня коса, стоило ее давно отрезать. Берегла, хранила богатство волос, чтоб иметь при себе то, что можно сменять на еду, если жизнь завернет слишком строго.

Коготь спрятался, уступив место пальцам, дракон играет с моими волосами, легко и не больно, распускает прядки, ворошит и ласкает. Уж, не на шкурку ли он меня подобрал, - мелькнула в голове дикая мысль. Спрашивать нельзя, заговаривать первой тоже. Немыслимое нарушение правил нового мира. Человек может только ответить на вопрос, но спра-

шивать первым не должен, разумеется, если он хочет жить.

Лакомство, поднесенное к губам, стало и искушением, и невероятным соблазном. Как же хочется укусить, как стыдно брать еду из руки, словно редкой зверушке. Впрочем, у ручных зверьков берегут шкурку. Лучше стать белочкой в клетке, чем белочкой, из которой пошьют красивую шапку. Откусить не вышло, а крошкой я чуть не подавилась намертво. Смерть была бы настолько глупой, что я чуть было, не зашла в приступе истерического хохота. Выжить в Катастрофе, спастись в облаве, пройти через весь этот ад и погибнуть так глупо, намертво подавившись галетой. Дракон, по-видимому, тоже решил, что такая забавная шутка судьбы может нарушить его четкие планы. Вытряс из меня несчастный кусок, усадил у себя на коленях и снова прильнул к волосам. Если они ему настолько по вкусу, пусть бы состриг, а меня отпустил на свободу. Все окружающее перестало существовать, когда я выглянула в окно. Родная планета так изменилась, что невозможно узнать очертания не то что родных городов, а даже и континентов. Попробуй, угадай, в какой части света находишься, если даже не можешь наверняка знать, с какой скоростью летает эта штуковина. Ну же, думай. Если мы улетали чуть за полночь, а сейчас за окном уже утро, значит, мы пролетели полсвета. Неужели мы сейчас где-то в России? Или под нами Китай? А может, Монголия. Вспомнить бы то, чему раньше меня учили, выудить старые знания. Не могли же драконы изменить все констан-

ты науки, как-нибудь сократить объем талии земного шара? Черт знает. Раньше время отличалось между двух континентов на семь часов. Значит, если там была глубокая ночь, то в Евразии как раз утро.

А под нами зелень лесов, хвойных, еловых. Все же не Китай, значит, ближе к центру Евразийского континента. А может, это Австралия? Нет. Там было бы видно океан, в тех местах, где есть зелень. Да и не росли сосны, не могли же их за десять лет вырастить? Тем более, пока была связь, успело пройти сообщение, что Австралия скрылась под водой целиком. Кто знает, так ли на самом деле. Взгляд выцепил руины многоквартирных домов чуть в отдалении, не прямо под нами. Страшно. Лесная опушка, прогалина мелколеся. Высятся, укоряя небо, будто обкушенные огромной пастью, поросшие зеленью темные башни. Руины человеческого счастья. Там, где кипела жизнь, где строили планы, готовили скворчащий завтрак на кухнях, спали на мягких кроватях, смотрели фильмы, прильнувши к экранам, вздрагивая от ужасов иллюзорного мира, теперь только огрызки бетона, закопчённые стены, пустые проемы развернутых окон. Были ли там жители, когда все случилось, погибли внутри или успели сбежать? Что это за местечко? Может, тут раньше была Москва, и это - все, что осталось от огромного мегаполиса? Волгоград? Другой городок немногим поменьше? И по рекам не сориентируешься, ни одной не видела, когда подлетали. Где же моя семья? Жив ли хоть кто-то из знакомых

людей, пусть даже из тех, кого мельком встречаешь на улице, степенно проходя мимо. Продавщица из минимаркета на углу, попрошайка, что стоял в переходе, толстый сотрудник ГИБДД из будки на перекрестке. Сейчас все это немыслимо. Идти на учебу, ночью учить стихи, готовиться к поступлению, провожать родителей на работу. Мы все попали в сказочный мир, только он совсем не такой, каким нам грезился в волшебных сказках. Осязаемый, страшный, жестокий, бескомпромиссный. Подчиняйся, не трави душу зверя острым взглядом, пригни буйную голову ниже, не жалуйся даже в мыслях, молчи, держи прочно свой язык за зубами, вечно бойся и, как хочешь, справляйся с невзгодами быта. Забудь все, что было, и живи дальше вечно униженным, вечно голодным, если все ещё хочешь существовать. Тех, кто рискнул возмутиться хоть жестом, давно уже нет. Десятилетние дети не помнят, не ведают, как мы жили раньше. Все рассказы для них – пустой звук, забавная и прекрасная сказка. Магия проще для их восприятия, объяснимей, привычней, чем горячая вода, льющаяся на ладони прямо из крана, чтоб ее не надо было согревать в котелке на печи. Дикость, средневековье. И я обязана выжить, как бы ни было тяжело, как бы ни было страшно, от того, что в волосах зарылись сейчас чужие опасные руки, способные убить лёгким движением. Выскочит коготь из пальца, и мы встретимся с Клаусом по ту сторону жизни, что зовётся небытием. Хоть бы он вез меня не на казнь, не учуял искры дара, не мучил во имя чистоты

нового мира. Судьба одаренных предельно ясна, и творит ее черный дракон-инквизитор.

Прямо под нами раскинулся огромный дворец. Снежно-белый, темные знамёна на башнях, крепостная стена, фонтаны, деревья, стадо животных пасётся на высоком холме. Все ещё верю, что это не Воробьёвы горы. Не могли же они так обрушить Москву, чтоб от нее совсем ничего не осталось кроме пары высоток вдали и одной у самого драконьего логова.

- Красиво, - пророкотало за ухом.

Глава 5

Марго

Акула села перед дворцом на лужайку, точнее, зависла в воздухе, так и не долетев до земли самую малость. Дракон потянулся рукой к своей шее, обернуться не рискуя, чувствую лишь, что гора мышц подо мной пришла в движение. Я же даже лица его рассмотреть не успела, - запоздало пришла действительно глупая мысль. Какая разница, как выглядит твой Инквизитор, когда ты совершенно ничего не можешь изменить? Моя хрупкая жизнь сейчас полностью в его лапах. Захочет – убьет, а захочет – будет держать как диковинного зверька в клетке у всех на виду или в каком-нибудь дальнем углу на цепи. Пряжка, усыпанная рубинами, словно кровавыми пятнами, стукнулась о поверхность металлической тумбы. Обнял за талию, приподнялся на диване и закутал целиком в свой черный инквизиторский плащ, часть сути дракона, форма, напоминание забывчивым людям о второй полноценной, крылатой, ипостаси чудовища. Вмиг я утонула в облаке запаха зверя, пугающем, диком, подавляющем волю и вместе с тем порождающем острое желание подчиняться, отдаться целиком в его власть, покориться сильной хватке. Диким усилием воли заставляю себя отрешиться от гипноза этого запаха, осознать, что происходит кругом, скосить взгляд в пол, в сторону, на стену, куда угодно, только б

не в его глаза. Дракон опасен, прямой взгляд – оскорбление, вызов, неосмотрительный риск.

Обернул в ткань плотнее, и ноги тоже. Поднялся, подхватив меня на руки, и легко спустился на землю. Куда он меня несёт? Зачем? Ведь я совершенно точно не в их прихотливом вкусе. Тощая, светловолосая, бледная.

Ничего не видно из-за плаща, не решаюсь откинуть мягкую ткань с лица из-за опасности столкнуться взглядом со зверем. Держит крепко, на удивление мягко, ничуть не сжимает. Под ногами дракона хрустит гравий, где-то в отдалении слышны голоса. Мы поднимаемся вверх, кажется, в сторону дома. Громко звякнул засов, и меня окутало теплом и ароматом вкусной, наверное, сдобы, чуть сдобренным острым и страшным запахом мяса. Еда? Кухня? Я блюдо здесь или гость? Тело затекло самую малость от неудобной позы, а пошевелиться боюсь. Громогласный рык раскатился по дому.

- Огерл!

Имя? Название? Должность? Команда? Кто знает... Мы прошли вперёд, и только тут он опустил меня на ноги, сдержнул плащ, забрав его себе. Украдкой я осмотрелась. Лакированный пол, зеленоватые стены, очень много пространства и света, льющегося из окон. Дверь в стороне распахнулась, и показался подол длинного белого платья, только без рюшей. Платье, должно быть, похоже на свадебное, взглянуть бы, кто его обладательница. Шагов и не слышно, только шорох плотной ткани по полу. Быть может, это девушка вроде

меня? Тогда она мне расскажет, что будет дальше.

- Доложить сразу. Жду.

Грохот шагов, инквизитор ушел, даже не обернувшись. Я осталась одна с неизвестной мне женщиной. Кто она? Дракониха? Человек? Как узнать, если боишься взглянуть.

Странно, от того, что мой похититель ушел, стало ничуть не спокойней, наоборот, даже. Я замерла, где стояла. Хочешь жить - подчиняйся, собирай доступную информацию по крупицам, но прямо не спрашивай. Ничем не выдавай страха, это пробудит в драконе агрессию. Мы внешне схожи, только у драконов звериная суть. Тот, кто боится - жертва, почти готовый обед, надо лишь развернуть от одежды и можно сразу сожрать. Если же ты сможешь удержаться от паники, шансы выжить станут значительно выше.

Подол приблизился к моим ногам. Длинные иссиня-белые пальцы резко ухватили за воротник платья, грубая ткань разорвалась, будто в пальцах у женщины была бритва. Я дернулась, вскинула голову и заорала в голос, прижимая разорванный воротник ладонью к груди. Мужчина! Высокий, худой, ушных раковин нет, белокожий, не считая синих сосудов, во второй руке зажата деревянная трубка.

Дверь грохнула, в комнату влетел черный дракон, белая юбка улетела вместе со своим обладателем в стену, подол задрался, обнажив толстый хвост. Вот зачем это платье понадобилось мужчине. Успела краем глаза взглянуть в лицо инквизитора, перед тем как опустить глаза в пол. Разъяренный,

темноволосый, чуть смуглый, глаза как у змеи, рыжие, расколотые черным зрачком на две равные половинки. Ухватил пальцами за подбородок, вынудив поднять голову, склонился и шумно вдохнул.

- Крови нет, - в его голосе мне почудилось облегчение, - Почему ты кричала?

- Платье, он его разорвал.

- Эта вещь больше не пригодится.

Дракон ещё раз глубоко вдохнул, отпустил подбородок, задумчиво провел пальцем, без когтя по моему горлу, словно прицеливаясь.

- Ты испугана. Огерл только осмолит. Лекарь. Ты должна подчиниться ему.

И вышел. Гора одежды в углу шевельнулась, расправились петли внушительного хвоста. Мужчина приложил ладонь к лицу в том месте, куда пришелся удар, и встал, оправив на себе то, что я первоначально приняла за платье. Скорее, медицинский халат, только в пол и со шлейфом, скрывающим собой сжатый в пружину хвост. Узкие глаза, белесые волосы собраны в тонкую короткую косу, бровей нет, сухие губы, сквозь которые при разговоре виднеются тонкие клычки.

- Не надо бояться. Только осмотр, - протянул он ко мне белесую тощую руку с рядом прозрачных ногтей на пальцах.

- Не надо хватать! - от страха вскрикнула я.

- Снимайте платье. Самостоятельно. Вы же умеете.

- Вы мужчина, а под ним нет ничего.

- Я - наг, а вы людка. И совершенно не интересны мне ни в каком виде, тем более, в брачном, - я устало покачала головой. Пусть делают со мной, что хотят, но это ко мне не прикоснется. Мужчина скривил губы, высунул кончик раздвоенного языка, - Я не причиню вреда. Я служу господину инквизитору. А вы такая же его собственность, как этот стол. Вы же не можете представить, что я намеренно грызу хозяйскую мебель.

- Я вас вообще не могу представить. Вы - миф, сказка, чудище.

- Раздевайтесь и ложитесь на стол. Чем быстрее мы с этим покончим, тем всем будет лучше. Господин нетерпелив и взбешён, а злить его ещё больше не стоит.

- Накажет?

- Убьет. И полагаю, не только нас с вами.

Страх, жгучий стыд, жажда жизни, не желание, чтоб из-за меня погибли другие, омерзение от вида серо-зеленого нага, все чувства смешались в тугой плотный комок, осевший в груди, не дающий дышать. Пальцы сами собой разорвали теперь ненужное платье. Тугой лиф расстегнулся, от дорогих трусиков осталась только кружевная резинка. Ее отчего-то особенно жалко терять, словно она связует меня с драгоценным прошлым. Какой пришла в этот мир, такой его и покину - пришла упадническая мысль. Нельзя раскисать, нужно держаться. Один раз я же уже ускользнула из лап инквизиторов, хотя была младше и ничего толком не понимала в слу-

чившемся. А если лекарь сейчас обнаружит мою искру? Хотя, может статься, из-за нее меня и схватили. Но тогда зачем все это? Зачем было везти меня на другой континент, осмотр лекаря? Наг разговорчив, может, стоит спросить?

- Что со мной будет?

- Ложитесь. Все зависит от результатов осмотра. Нет, лгать вашему хозяину бессмысленно. Если что-то не так, я вынужден буду сказать ему всю правду.

- Я человек. И у меня нет хозяина. Я разумное существо.

- Высшая раса, приморившая собственную планету, не может считаться разумной. Десять лет наводим порядок и до сих пор не убрали до конца следы прошлой цивилизации, если ее можно охарактеризовать этим словом. На стол!

Кусок монолитного дерева чуть просел под моим весом, принимая форму тела. От неожиданности я даже дернулась, но стол с поверхности не отпустил. Влипла, как мушка. Вспомнилось, что на забой допускают только здоровых животных. Может, мне повезет, если окажется, что я больна.

- Не дергайтесь, можете себе навредить. Это повлияет на результаты. Перемещаться можно только по поверхности, пока я не разрешу встать.

Бесцеремонные касания. Деревянная трубка принимает немыслимые формы и выполняет разнообразные функции. Только конец, которым он меня касается, неизменен. Прислушал сердце, заглянул в глаза, уши, рот. Холодными пальцами, от омерзения я содрогнулась, ошупал колени, перелом-

жил удобнее для себя, легко сдвинув ноги.

- Нет.

- Хозяин велел вам подчиняться мне.

Закрыла глаза, черт с ними со всеми, сделать сейчас все равно ничего невозможно, значит, нужно перетерпеть. Может, драконы и вовсе жрут только девственниц? А я не такая. Холод металла, в который превратилась эта клятая палка, почти нестерпим, обжигает льдом и делает даже больно.

- Можете встать, я закончил.

Соскочила на пол, потянулась к одежде.

- Нет. Это мусор.

- Но?

- Я передам распоряжение слугам.

- Меня сожрут?

Хриплое шипение отдаленно напоминающее смех.

- Вы – трофеем господина, и убить вас может только он.

Будете вести себя, как подобает, он этого не сделает. За дружое – не поручусь, драконы проявляют характер. Моя задача состоит в том, чтобы поддерживать ваше тело в отличной форме, сокровище.

Лекарь потянулся к стене, деревянная панель выехала по мановению пальца. Пузырек темного стекла, золочёная ложка. Черная густая жидкость неохотно ее наполняет. С чего я должна ему верить? Может, это вообще яд или наркотик?

- Успокоительное, - словно бы прочитал он мои мысли,

- Мне не нравится, когда из-за чужой несдержанности мои

ребра ломают о стену, знаете ли.

- Нет.

- Ждите здесь, за вами придут. И больше никаких криков, сокровище.

Скрылся за боковой дверью. Я осталась одна, от холода, а может, от нервов, тело дрожит, обняла себя руками за плечи, чтобы согреться и успокоиться. Наконец могу осмотреться, вдохнуть полной грудью. Темные стены, высокий потолок, широкие створы главных дверей. Быть может, дракон способен здесь поместиться и в истинном своем обликии.

Одежда лежит неопрятной горой на светлом полу, я потянулась, чтобы сдвинуть чуть в сторону, и не успела. В ту же самую дверь, за которой скрылся лекарь, влетели служанки, наверное. Нервный смешок слетел с моих губ. Платья, передники, чепчики, все утонченное, крахмальное, строгое. Вытянутая форма ушей, большие глаза, рост значительно выше моего собственного, а я ведь не низкая. Эльфийки? - пришло в голову само собой, иначе нельзя их охарактеризовать. Слишком пронзительная красота, слишком надменные лица. Меня подхватили под локти и повели за собой в соседнюю комнату. Помывочная тут или что? Мраморный пол, душевые насадки на шлангах, скамьи. Девушки молча трут тело, разворачивают то животом, то спиной, окатили теплой водой, начисто срезали ногти на руках и ногах. Уложили на лавку и торопливо стали вытирать в кожу масло. Шея, руки, лицо, живот. Интимного нет ничего, я для них как тот

стол, предмет господина не больше. Хочется завывать в голос, но нельзя. Нужно терпеть, от себя отрешиться, притвориться покорной, если я надеюсь выжить и сбежать из крепкой хватки дракона. Волосы перебраны по прядкам. Неожиданный массаж кожи головы принес облегчение.

- Закрой глаза, сокровище темного господина.

Веки и те промокают неясным мне средством. Наг солгал. Зачем дракону нужна тощая людка, когда кругом столько прекрасных эльфиек? Масло наверняка лишь приправа. Все знают норы драконов. Дернулась встать, но меня цепко схватили за щиколотки и плечи, вынуждая подчиниться, занять прежнюю позу. В теплое полотенце закутано тело, волосы сушат руками. Магия. Вот она какая бывает, лёгкая, невесомая и приятная.

- Твое платье, сокровище.

Девушки подают невесомое платье на вытянутых руках. Гладкая ткань закрывает усталое тело от самого горла до пят, руки и те оказались в облаке широких приспущенных рукавов. Чужие пальцы проворно стягивают шнуровку на спинке. Темно-коричневое, шоколадное, украшено растительной вышивкой в тон. Широкий пояс туго обвил и без того тонкую талию. Ноги обули в крохотные тапочки, закрыт только следок и пальцы, подошва мягкая, ремешки ладно сидят по ноге. Волосы прибрали под диадему, лицо сбрызнули минеральной водой.

Дверь в купальню распахнулась без стука, на пороге воз-

никла ещё одна из служанок. Я замерла, позабыв сделать вдох. Всё правда, то, о чем говорили нам в старых сказках. Одежда женская, строгое чёрное платье, косынка на голове, а лицо - медвежья маска и руки торчат из рукавов точно такие же, медвежьи, разве что немногим длиннее, да шерсть будто бы сострижена.

- Меня прислал инквизитор. Я главная служанка, теперь всегда буду рядом с тобой. Заботиться, оберегать. Послушания требую беспрекословного. Никакого вяканья, со мной этот фокус не выйдет. Уяснила?

- Да...

- Господину в глаза не смотреть, если не хочешь отыскать там своей смерти, любым другим драконам, тем более, если не желаешь втравить их в поединок со своим хозяином. Вести себя прилично. Первой ни с кем, кроме нас, не заговаривай. Касания так же запрещены. Ты – собственность черного дракона! Они ревностно берегут все свои сокровища, и горе тому, кто на них покусится даже обычным прикосновением. Взгляды пусть тебя не смущают, усладой можно хвалиться публично. Все понятно?

- Да.

- Сейчас тебя отведут пред огненные очи нашего господина. Веди себя смирно, не выводите его из себя. Надеюсь, ты умеешь есть аккуратно.

- Я зачем здесь? Ему?

- Услада - сокровище в лапах дракона. Подумай сама, что

он может с тобой сделать, если захочет.

Глава 6

Роу

В поместье у меня служат термы, и я ими вполне доволен. Внешность медвежья, суть человечья, разве что нет в них лукавства. Прямые, исполнительные, неприхотливые, удивительно сильные. Сначала хотел было убрать их из дома, чтоб не пугать первое время усладу. Говорят, людки боятся до дрожи того, что не видели раньше, даже призвал эльфиек для ухода за девушкой. А потом передумал. Ни к чему нарушать устоявшуюся систему, да и Усилада моя совсем не так пуглива, как говорят. Хвоста Огерла и то не сильно смутилась. Зря я расстарался и придумал для него этот халат. Куда больше ее испугали руки нага. Попробуй, пойми, чего людки на самом деле боятся. Впрочем, результаты осмотра лекарем меня порадовали. Непоправимого нет. Хорошие условия все исправят со временем. И худобу, и незначительные болезни, если дать ей время окрепнуть. Жаль. Придется подождать несколько дней, перед тем как в полной мере насладится ее белой кожей, ощупать тот бриллиант, что я выискал. А сейчас не стоит даже пытаться прикоснуться к желанному, слишком велик будет соблазн воспользоваться. Чем ближе я нахожусь к своим покоям, к своему логову, тем сильнее власть звериного над моим разумом, над моей волей.

Так легко сейчас загубить хрупкую девушку. Многие дра-

коны предпочитают искать женщин по образу и подобию красоты истинных драконов. Крупных, широкобедрых, полнотелых, чтоб рука, так размером с кувалду, волосы жесткие, черты лица крупные. Нет уж, среди людей можно разыскать только подобие прошлых сокровищ, а мне и не хочется. Я ещё помню, какими драконами были по сути своей. Отвращает даже мимолетное сходство. Слишком много пришлось натерпеться, пока они не исчезли. Вот и выбрал себе в улады полную противоположность, такую, что даже не знаешь, как тронуть, чтоб не оборвать жизнь. Покормил галетой, чуть не издохла прямо у меня на руках от крохотного кусочка. Кто бы мог подумать. И здесь в поместье у меня не нашлось ни крошки пригодной для истощенной улады еды. Огерл посчитал, что вареная некрупная птичка позволит людке выздороветь в самые краткие сроки. Пришлось самому выходить на охоту, в душе колыхнулось пламя древнего инстинкта. Добывать своими собственными руками еду для своей же женщины. Моей всецело, никто не рискнёт оспорить, ни одна живая душа на этой и соседних планетах. Родня и та не посмеет ее отобрать, покажись им, что я жесток с девицей. Нет у нее родни среди драконов, я надеюсь. Вряд ли какая-то ее сестрица стала усладой другого инквизитора. А если и так, это ничего не изменит.

Запах хвойного леса дурманит голову, оживляет охотничьи инстинкты. Раньше на моей земле стоял целый город, теперь вид портят лишь некоторые высотные дома, их ещё не

успели убраться. Один я даже оставлю, симпатичные каменные барельефы над его входом изображают драконов. Грех под-
нять руку на такое. Святотатство. А высотные здания разло-
жу на элементарии ближе к концу месяца, когда сюда приго-
нят дожди. Чтобы не поднять лишней пыли. В кустах что-то
мелькнуло, догнал в один шаг и прихлопнул. Судя по торча-
щим из лепешки перьям, это все же была куропатка, а может,
и просто курица. Надо поторопиться обратно, чтобы пова-
ра успели ошипать это, выбрать все мелкие косточки и уварить.
Зубки у усадки крохотные, мелкие, клычки - только
одно название, остренькие и совершенно бесполезные, им не
под силу и такое разгрызть. Что ж, охота не доставит большо-
го неудобства, сегодня вечером прикажу расставить силки.
Куда хуже дела обстоят с молоком. Корову ещё не доставили.
Приятные хлопоты. Мы, драконы, сами по себе неприхот-
ливы. Синие, жёлтые, да даже и красные едят практически
все. Такие как я, черные, питаются исключительно сырым
мясом и рыбой, лишь изредка позволяя себе вкушать что-
то растительное. В нас охотничий инстинкт силен особенно.
Уловить запах добычи, выйти на след, растерзать. При отсут-
ствии времени на настоящую охоту пищу вкушаем в ипоста-
си, похожей на человеческую, за обычным столом и из тарел-
лок.

Круглый стол мореного дуба, накрыт к обеду. Черная ска-
терть, золоченные тарелки, приборы, хрустальные кубки. Все
такое огромное, сделано под мою руку.

Тут я вынужден нарушить принятую в мире традицию. На пол сажать девушку, как это делают другие, глупо. Брать на колени пока рискованно, могу не удержать себя от соблазна. Заставлять есть стоя ни к чему. Будет есть рядом со мной за одним столом, по крайней мере, в этих внутренних покоях дворца, не публичных.

Высокое кресло для нее ещё не готово. Приказал уложить на такое же кресло, как и мое, гору всевозможных подушек. Надеюсь, она дотянется из него до стола. Сел на свое место и принялся ждать. Вошла, замерев на пороге. Платье просвечивает, хорошо видна будто бы выточенная из мрамора фигура, острые ключицы, неширокие бедра, узкие щиколотки. Специально приказал нарядить ее именно так, чтоб не смущалась сама, а мне были видны богатства трофея. Глаза опущены в пол. Послушная, ждёт дозволения, чтобы войти, забавно поводит носиком. Голодная. Интересно, а какого цвета глаза? Я ведь не рассмотрел пока толком.

- Глаза так низко опускать излишне, просто не заглядывай в мои.

Чувства своего зверя нужно беречь. Открытый вызов он, пока на девушке не осел мой запах, просто не поймет.

- Да, господин.

В ее голосе мне чудится звон стали. Резковатый, сухой, но определенно красивый. У повстанцев изредка бывают такие голоса. Жаль, только нет в них покорности. Приходится поступать согласно невидимому закону – традиции. Убивать

без лишней жалости.

Жестом указал девушке на ее место. Молча подошла и взобралась на эту мягкую гору. Высокая. Можно было столько подушек не класть. Но вроде бы ей удобно. По сигналу слуги начали заполнять блюдами стол. Мне – кровоточащее мясо, ей – смешные тарелочки. Суп из птички, крохотные пирожки, спелые фрукты. Нигде нет ни косточки, ни крошки того, чем услада могла бы подавиться. Слишком хорошо мне запомнились ее синие от удущья губы после злосчастной галеты.

Смотрит, но без спроса взять не решается. Ее чувства вплетаются драгоценным эликсиром в теплый воздух малой гостиной. Богатейшая палитра, рай и наслаждение для дракона. Благодарность сплелась с опаской и даже злобой, смущение, стыд, недоверие.

- Ешь.

Слуга замер рядом с ее креслом, пододвигает тарелки, стоит только усладе приметить лакомый кусочек, отодвигает пустые, заполняет водой узкий бокал. Кубки из хрусталя неудобны для тонких пальцев, бокал для нее искали специально. Им служит ваза, привезённая мне в подарок с одной удаленной планеты. Птички, украшающие её края, порхают с ветки на ветку совсем как живые. Услада любит богатством оперения, украдкой гладит пальчиком иллюзорные крылья. Птицы воркуют от удовольствия, это слышно. Мясо давно исчезло с тарелки, я сыт и доволен. Лишь только

мой зверь следит за добычей, за нашим хрупким трофеем, спешит познакомиться ближе, слизнуть запах ее нежной кожи, оставить свои метки. Тарелки опустели, услада оглядела в поисках ещё чего-нибудь съедобного стол. Манкая, даже слишком манкая для моего зверя. И красивая особой изящной красотой. Тронешь грубо - рассыплется искрами. Сначала нужно приручить, заманить, а потом уже все остальное. Потом зверь одержит свою победу. Когда мой собственный запах плотно осядет на ее коже. Инстинкт охотника подводит порой любого. Нельзя дать зверю свободу до времени, слишком легко в пылу перепутать с обычной дичью ту, что будет настоящей усладой.

Я встал из-за стола и приглашающе протянул руку.

- Ты любишь сладкое. Идём, в другой комнате есть припас.

Маню я свою добычу в спальню. Приказывать не хочу. Пусть зайдет сама, торопить тоже не стоит.

Замерла на долю секунды испуганной зверушкой, встала, зачем-то одернув подол, и послушно подошла ко мне ближе. Развернулся, чтобы шла следом и могла позволить себе осмотреться в доме, где она будет жить, где станет сокровенным трофеем. Чтобы не боялась сейчас ненароком заглянуть в мои собственные глаза, потревожить звериную суть. Небольшой коридор, тяжёлая дверь спальни. Самой ей ее не открыть. Слуга держит дубовую створу. Изнутри она заполнена литой сталью, самое надёжное место в доме. Даже ес-

ли меня не будет рядом и случится невероятное, мятежники проберутся внутрь поместья, перерезав всех слуг и охрану, здесь улада будет надёжно защищена. Сталь, магия, каменные глыбы стен – надёжное хранилище для всего самого ценного. Мое гнездовье. Пусть сейчас невозможно ею насладится сполна, но спать она станет именно здесь, покидая комнату только с моего разрешения.

Марго

Сыта впервые за несколько лет, умыта, осмотрена лекарем – уже чудо. Если б не инквизитор. До последнего сомневалась, куда именно меня поведет этот мужчина. Спальня. Не хочу стать игрушкой в лапах дракона. Противно оказаться в его руках. Противно и страшно. Подобие человека, зверь. Безжалостный и опасный. Из тех девушек, которых забрали драконы сюда, обратно не вернулась ни одна из них. А что творят даже синие в домах для увеселения, лучше не знать. Черный куда опаснее. Инквизитор. Один из тех, что убил всех моих друзей, учителя. Не хочу стать бабочкой-однодневкой. И сопротивление бесполезно, он считает себя в своем праве. В праве сильного, в праве успешного захватчика. Огромная кровать, на такой можно спать впятером, и ещё место останется, застелена с особой тщательностью. Пузатый шкаф, небрежно брошенное на пол покрывало, два кресла у потрескивающего поленьями камина, окно. А за ним настоящий дом. Высотка. Даже некоторые из окон все ещё целы, а на верхнем этаже в проёме мечется тюль грязной шторы. За-

смотрелась в столь знакомый силуэт здания, что даже примерещился мелькнувший в проёме разбитого окна человек.

Дракон неспешно подошёл к высокой тумбе, потянул на себя ящик и вынул тарелку мелких плодов, политых карамелью. Шаг и он стоит уже напротив меня, заслоняя спиной окно. Я очутилась в облаке запаха. Приятного, но сильного, вынуждающего покоряться против воли.

- Ешь, - короткая команда, данная как собаке, отрезвляет. Но отказаться я не могу. Хочется закрыться, спрятаться, убежать, в неизвестно какой раз сказать себе, что сказки не существует, что все это лишь глупый сон. И я никак не могла очутиться в драконьем логове один на один с его и моим теперь господином.

Сладкие ягоды, протяни руку – возьмёшь. Дракон терпелив, меня ничем не торопит, выжидает, когда в ловушку попадетсЯ зверёк, а ждать драконы не любят. Ещё свежи в памяти слова лекаря о том, что, разъярившись, дракон унесет многие жизни. Рискую взять с блюда один только плод, пачкая руку в тягучей сладости карамели. Сладковато терпкая мякоть напоминает мне пастилу. Давно позабытый вкус лёгкого беззаботного прошлого. Чего мы боялись? Смешно теперь вспоминать. И так хочется взглянуть снова на покалеченную высотку, рассмотреть в подробностях тюль, хорошенько запомнить. Кто знает, что ждёт меня после ночи с драконом? Что он сотворит, когда все звуки в доме утихнут, и дом погрузится в сладкие объятия сна? Задумавшись, я

слизнула с ладони капельку карамели кончиком языка. Напрасно.

Блюдечко звякнуло о тумбу, дракон отступил, считай, повезло.

- За той дверью ванная, - показал он на гладкую стену, - за той гардероб, за этой мой кабинет. Ты можешь входить во все двери. Но именно в кабинете тебе трогать ничего нельзя. Ясно?

- Нет.

- То есть? - дракон опешил.

- Я не понимаю, как их открывать.

- Дикарка, смотри.

Приложил ладонь к чуть заметному выступу, и дверь в ванную комнату растворилась. Хрустальная чаша вдавлена в черный пол, золотые крючки, огромное зеркало во всю стену, скамья на хрустальных ногах, туалет, похоже, за перегородкой.

- Умой руки.

Огляделась ещё раз, пытаясь найти обычную раковину, шагнула в сторону ванной.

- Обернись. Нужно просто сложить ладошки и поднести их сюда, - продемонстрировал Инквизитор простой жест. Вода потекла водопадом из стены и, не долетая до пола, ударилась в стену, образуя дугу. Напор, судя по всему, слабый. Мужчина чуть отступил, пропуская меня. В руки ударила горячеватая жидкость. Пахнет приятно, не то свежей травой,

не то полевыми цветами, а значит, пить ее, скорее всего, не стоит. Жаль. Мало ли он забудет меня напоить.

- Идём, - мягко пророкотало мне почти в ухо. Я дернулась от звука над головой, дракон предупредительно зарычал.

- Никогда так не делай, - а оттенки голоса уже совершенно другие, хищные, опасные. И запах изменил оттенок, потеряв мягкую пряность дорогого костюма, став, безусловно, хищным, жёстким, сугубо мужским. Страшно, если он прямо сейчас решит меня повалить на эти голые плиты черного пола. Пальцы сжались на ткани платья, стараюсь не дышать слишком громко, ничем не выдать себя, не спровоцировать его истинную звериную сущность.

Инквизитор прошел к кабинету. Растворил стену, вошёл за нее. Я несмело прошла за ним следом.

Глава 7

Марго

Стол черного дерева от ножек до столешницы весь резной, просторное кресло, мягкое, затянуто в кожу, надеюсь, не человеческую. Посреди комнаты зависла в воздухе широкая голограмма. Цифры, графики, символы, кусочек карты и схема звёздного неба – все, что удалось рассмотреть. Вдоль стен витрины из дерева, а на них самые разные предметы, силюсь запомнить, рассмотреть лучше, вдруг пригодятся для побега. Мало ли что...

- Ты любопытна.

- Простите.

- Можешь смотреть, но не трогать. Это доставлено мной и другими с самых разных планет. Ослушаешься - накажу и жестоко. Запомни.

Замерла, не зная, что предпринять, находясь один на один в клетке со зверем. Такой прихлопнет и ни о чем не будет жалеть. Но, раз уж представилась возможность все рассмотреть, грех не воспользоваться моментом. Из головы не выходит высотка напротив. Привиделось мне или нет? Ведь не могут же так близко от жилища Инквизитора находиться люди? Может, я вообще на этом континенте одна, кто знает. Девиц, которых сюда уволокли другие драконы, могли замучить. А остальные, те, кто жил здесь? Кто знает. А ведь где-

то здесь жили мои папа и мама. Знать бы, где я сейчас нахожусь. Насколько изменились очертания самого континента? Говорят, Арктики нет. Растаяли льды, а то, что было под ними, покрылось травой. Но все это лишь слухи, досужие слухи и ничего больше! Отчего Инквизитор так добр ко мне? Желает поиграть в добродетель? Но к чему это, если я только за тем ему нужна, чтоб утолить похоть. Лучше не думать и не злить понапрасну лютого зверя, что развалился сейчас рядом со мной в мягком кресле. Подготовиться все равно не сумею, а сегодняшних впечатлений и так хватило с лихвой на несколько жизней. Стыд и тот у меня отобрали, должно терпеть, что с тобой делают другие даже не люди. Терпеть. Не смиряться, но терпеть, если хочешь выжить. А ты хочешь. Тебе есть для чего, тем более теперь, когда самая значимая преграда – океан, осталась уже позади.

Шаг к стене, в пол-оборота к Инквизитору. Боюсь повернуться к нему спиной. Мало ли что за этим последует, как он расценит мой жест. Стеллаж заставлен неясными мне механизмами и предметами. Что-то похожее на часы без корпуса и не тикает, а снизу прикручен на проволочку зелёный камень. Надо просто запомнить. Быть может, потом удастся узнать. Стекло, отливающее всеми цветами, если смотреть под разными углами. Золотой с виду самородок, горка орехов, горка семян, желе, перетекающее из угла в угол по банке, внутри него две зеленовато-серебряные гайки. На следующей витрине скрижали. Золотые пластинки стоят каждая

на своей невесомой подставке из хрупкого с виду стекла. На них высечены куски звёздного неба, чем дольше смотришь, тем чётче различаешь светила и хоровод планет вокруг них. Словно бы они приближаются, с каждой секундой все чётче выплываясь из золота. Протяни руку – возьмёшь. Но даже трогать не будешь пока рядом дракон. Не готова я сегодня испытать гнев зверя на собственном теле, подожду, пока он уйдет. Третья витрина полнится белыми картами. Вроде бы не Земля высечена поверх прихотливых прожилок разноцветного мрамора, но этого мне сейчас не понять, а задержаться нельзя, тем самым проявив опасный к ним интерес. На четвертой витрине стекло. Продолговатые колбы, поверх некоторых идут буграми спирали, кольца из серебра, колечки поменьше из золота, объемные цепи. Всего не успела рассмотреть. А витрин ещё много. Помещение кабинета огромно.

- Ты устала, - не вопрос, утверждение, - сядь на скамейку. Окинула комнату беглым взглядом, скамейка только одна, у ног господина. Меня передёрнуло. Сколько сидело здесь до меня, знать бы, что с ними потом случилось. И спасет ли мою жизнь мнимая покорность. Плавню подошла, села, не сдвигая предмет мебели с места, и оказалась у ноги господина, плечом к нему. Так я украдкой смогу взглянуть на синеватую голограмму. И вновь меня окутывает тягучий, немного пряный запах дракона, отзывается в теле, затмевает разум собой, вынуждая принимать его волю. На голову опустилась

рука, еле успела сдержаться, чтобы не дернуться. Пальцы наспех перебрали верхние пряди, одну он потянул на себя, выпутал из остальных волос, поднес к лицу, жадно вдохнул мой собственный запах и отпустил.

- Сиди.

Немыслимо. Дракон стоит, а я все ещё сижу, правда, почти на полу, что унизительно. В один шаг дракон оказался перед витриной, до которой я не дошла. Переставил предметы, что-то достал. Я отвернулась, лишь бы не столкнуться с ним взглядом.

- Меня зовут Роу. Запомни. Имя твоего хозяина – Роу. Черный дракон, инквизитор. Старший в своей династии.

- Да, господин.

- А твое имя?

- Марго.

Он подошёл почти вплотную ко мне, вижу только носки элегантных ботинок, чуть заступивших на мой широкий подол.

- Дай руку.

Не успела я протянуть ладонь, как запястье оказалось в горячем хвате мужской лапы, даже чувствую его проступающую колкую чешую. А если? А что если он решит со мной в своей звериной шкуре? Нет. Нет, такого и быть не может. Горячая полоска обвила запястье, уколол кожу замком. Что он делает? Браслет или наручник?

- Можешь смотреть.

Бережно опустил мою руку мне на колени. Поверх запястья сверкает черным тонкая полоса гладкого браслета. То ли металл, то ли пластик. На всякий случай решаюсь поблагодарить.

- Спасибо за подарок, господин.

- Это для сохранения твоей жизни. Сама снять не сможешь, имей в виду. Попробуешь – будет больно. Не рискуй.

Дракон опустился в кресло и стал водить в воздухе пальцем. На голограмме выплывают графики, меняются картинки, то и дело возникают кусочки синеватых мерцающих карт в россыпи бегающих точек. Смотрю, пытаюсь понять, вглядываюсь сильнее, так что начинают болеть глаза. Этот краешек континента на карте напоминает мне Африку. Но, быть может, это и не она. В Африке же не было такого количества рек и гор? Хотя, и Америка не напоминала полоску без Флориды и других штатов, что затонули. Майями больше нет. А вулкан подточил другую сторону материка, рванув в глубине. Направленный взрыв, нам объявили. Только рухнуло вниз полконтинента абсолютно не направленно. На оставшейся земле воцарились синие драконы для присмотра за нами, людьми. Только зачем мы им там – не понятно. И никто не утруждается объяснить. Лишь считают по головам и следят, чтоб соблюдались их законы.

Дракон резко свернул голограмму. Та скрутилась и мигом погасла, растаяв в воздухе, как и не было ее тут. Я замерла. Водит рукой по столу, стучит пальцем. Если б не видела де-

ревянной поверхности до этого, решила бы, что у него там планшет. Золотым дождем посыпались не то искорки, не то блёстки. Мужчина поднялся и вышел, вернув стену на место почти целиком. Жуткие же здесь двери. Я осталась сидеть. Громко открылась входная дверь, по полу потянуло сквозняком, а следом дурманящим запахом блюд. Жареное мясо! Безошибочно уловил ноту этого запаха мой нос. Вроде бы суп? Молочный? Или все таки сырный? Сдоба. Горячая. Как усидеть и не истечь слюной? Страх – страхом, но есть я готова почти постоянно. Звякнули тарелки о невидимый стол, зазывно булькнула жидкость, наливаемая в бокалы.

- Сюда, Марго.

Хорошо хоть не к ноге, зло подумала я. Как сладко было бы его зарезать, жаль, не выйдет. Драконью кожу простым ножом не пробить. Я видела, как пытались это сделать. И что было потом. Человек – тоже добыча. Павший в развязанном самом же поединке с драконом – особенно ценная дичь. Поднялась с низкой скамьи и направилась к двери. Выемку вижу. Просто положить ладонь и надавить, так вроде бы он поступал. Стена начала медленно таять. Вижу силуэты медведеподобных слуг в бархатных костюмах, потихоньку становятся различимы предметы одежды, круглый стол, которого не было раньше, два кресла. Дракон сбросил с себя подобие сюртука, оставшись только в рубашке, не глядя стянул запонки, закатал до локтя рукава. Смуглая кожа, литые округлые мышцы. Наконец, сквозь исчезающую стену, слов-

но через густую вуаль, могу рассмотреть лицо своего похитителя. На удивление правильные черты лица, изогнутые черные брови, аккуратная щетина, гладкая смуглая кожа, глаза цвета кипящего янтаря перечеркнуты узким вертикальным зрачком, и смотреть даже так мне в них страшно. Если бы не это, мужчину можно было бы назвать красавцем с обложки глянцевого журнала. Мой похититель, возможно, и мой палач.

Слуги плавно расставляют тарелки. Согнутые спины напряжены, ни одного лишнего жеста, от дракона держатся на почтительном расстоянии. Последняя вилка коснулась белой салфетки, слуги задом начали отступать к двери, так и не распрямляя согнутых спин.

Я шагнула вперёд, стоило перегородке растаять окончательно. Нельзя заставлять зверя ждать, нельзя злить, нельзя пробудить в звере ярость малейшей ошибкой. Воздух и так раскален от эмоций, они выются тут вихрями. Он напряжён, сдержан в каждом торопливом движении, старается не показать чувств, но они и так пробиваются наружу в громко и резко отодвинутом кресле, в сомкнутом кулаке, лёгшем на стол рядом с тарелкой, в сорванной шнуровке рубашки. Зверь разъярен, и мы с ним остались наедине.

- Сядь, - звучит скорее рык, чем слово. Спешу опуститься в свободное кресло. На столе передо мной тарелка горячего супа, нарезанный тонко дивный хлеб, овощной салат. Есть не рискую, боюсь без спроса коснуться приборов. Кто знает,

можно или нельзя? Может, он ищет предлог для того, чтобы выплеснуть злобу.

- Если тебя посадили за стол, ты должна есть, услада.

Горячий суп обжигает язык, приятно ласкает сливками горло. Густой, из чего он, понять сложно. То ли курица, то ли ещё что. Все перетерто с овощами. Стараюсь брать понемногу, есть аккуратно. Ещё свежи в памяти слова Огерла: «Надеюсь, вы умеете вести себя за столом». Взгляд то и дело забегает в тарелку инквизитора. Там кусок подпалённого снаружи сырого мяса. Роу ловко орудует трехпалой вилкой и острейшим кинжалом. Ест он с ножа, накалывая на остриё узкие полоски свернутого в несколько раз мяса. Довольно быстро его тарелка пустеет. А я все ещё наслаждаюсь едой. Хрустящая корочка белого хлеба, крошечные кусочки творожного сыра, овощи зачем-то натерли в салат и сбрызнули настоящим пахнущим семечками маслом. Судя по всему, за мной внимательно наблюдают. Но поднять глаза, чтобы проверить свою догадку, я не рискую. И все же кладу приборы на стол, обрывая тем самым трапезу.

- Ты должна съесть все.

Хочется ответить что-нибудь резкое. Сдерживаю себя, тем более, что есть, действительно, хочется. Кто знает, что будет потом. Тарелки пустеют, возвращаются слуги, уносят посуду, стол взлетает и, сложившись, проваливается в потолок, становясь одной из деревянных панелей. Вижу это только по отражению в оконном стекле.

Глава 8

Роу

Любуюсь своим трофеем. Очень жаль, что воспользоваться им в полную силу сейчас невозможно. Огерл однозначно сказал, что девушка может не выдержать моей драконьей страсти, если взять ее прямо сейчас. Звериную суть в своем логове сдержать гораздо труднее, инстинкт говорит, что тут не может быть чужаков. Или добыча, которую следует растерзать, или самочка. На дракониху Марго ничем не похожа, скорее уж, на добычу, трепетную, дрожащую, завоёванную, готовую, чуть что, сорваться с места и убежать. Зверь ждёт одной только её ошибки, и мне будет себя не сдержать, не сохранить нейтрального отношения эти несколько дней. Похорошему ее стоило бы услатить на ночь к слугам, под покровительство старшей из них. Но разве я способен выпустить из лап трофей, даже не распробовав его толком? А запах дурманит своей первозданной чистотой, горьким медом, душицей. Сидит, опустив глаза в тарелку, локоны отпущены на свободу, зарыться бы в них носом, а ещё лучше полюбоваться на свои когти в этой россыпи жидкого шелка. Нельзя. Так можно и убить ее ненароком, пока не поставил на ней свою метку зверь, пока не замарал ее чистоту своим собственным запахом.

Стоит, наверное, отправиться в купальню, холодная во-

да освежит мысли, заставит распаленного зверя свернуться в комок, притупит древние, как все миры, инстинкты.

Людку нельзя держать, напроць лишив свободы, иначе станет излишне пугливой, потеряет интерес к пище, угаснет. Покуда из личных покоев выпустить трофей я не в силах, значит, должен дать ей свободу передвижения здесь. Вот только как быть с кабинетом? В витринах хранится тысяча смертельно опасных вещей, а улада моя любопытна. Полезет, может и покалечиться. Запереть дверь? Или попытаться договориться? Запрет она поняла, но интерес не растеряла. Чую дивную эмоцию, питаюсь ее игристым чувствительным вкусом, перекаत्याю внутри себя. Что если полезет, подавив в себе страх наказания? Эта может.

Значит, оставляю все двери открытыми. Из бассейна мне будет виден весь собственный кабинет. Стеснение драконам не свойственно, одежда лишь позволяет продемонстрировать статус, достаток, сделать различимым для всех рас цвет чешуи даже в двуногой ипостаси. И тем более смешно испытывать стеснение перед трофеем. Чем быстрее она привыкнет видеть тело дракона без одежды, тем лучше. Все же, к счастью, мы во многом отличаемся от людей.

Неторопливо поднялся из-за стола, направился в спальню, оттуда вышел уже в одних только лёгких штанах до колен. Улада растеряна, но не боится. Выжидает, замерла, решается на что-то. Пусть. Главное, чтоб в витрины мои не полезла, в первый же вечер заниматься ее наказанием я сам не смогу,

зверь и так стоит на грани безумия. А отдать ее палачу для вразумления тем более глупо. Раздери и его за то, что осмелился коснуться моего трофея, и ее следом. Придется надеяться на опасливость этой людки и на разум, если он есть.

- В витринах ничего не трогать, по комнатам можешь ходить свободно.

- Благодарю, инквизитор.

Встала из-за стола и затаилась в углу. Хлопает глазами, смотрит, взгляд так и не отвела от полоски мягких чешуек на моем животе. Значит, с драконом она не была, слишком много удивления вплелось в эмоции. Что ж, так даже лучше, не придется никого убивать. Люди-соперники из ее прошлого не так значимы. Хотя, шкуру с них тоже придется спустить для порядка, чтоб не вспоминали чужую теперь усладу. Развернулся, тем самым, предлагая ей осмотреть мою спину. Ряд твердых, как камень, плоских кругляшек-пластин идёт вдоль позвоночника, на каждой подобие закругленного шипа, в память об истинном теле. Нервничаю, представляя, как в скором времени между ними проберутся ее холодные пальчики, как будут цепляться между шипов, стоит мне только подмять ее под себя. А уж когда нанесу метку, получу истинное удовольствие. Рыкнул, не сдержавшись, и прошел в бассейн. Надо продержаться хотя бы сутки, иначе я ее точно убью в первую же ночь. Огерл прав, девица истощена, кости так и торчат из всего тела. Сладкие белые кости. Сомкни только драконовы зубы, и вмиг услышишь озорной хруст,

а рот наполниться запахом. Зверь будто поводит ноздрями, приказывая подобраться поближе, взять сладкую девушку вовсе не для любовных утех, а для пищи. Зверь в своем праве, когда я нахожусь в гнездовье. Чужака обязательно надо убить. Вот только на усладу у меня совершенно иные планы, а значит, зверя я загоню в тугую удавку собственной воли, придушу как следует, если получится. Используя магию, остудил верхний слой воды до толстого хрусткого льда. Кости девушки останутся целы, зверь замёрзнет и свернется в груди кольцом, чтобы согреться.

Марго

Дракон ушел совершать омовение, как принято говорить про чешуйчатых. Злой, раздраженный, опасностью так и пышет. Тело словно отлито из металла. Рельефные гладкие мышцы, черные смоляные выступы вдоль позвоночника, жёсткая с виду грива волос. Лучше не думать. У меня пока есть ещё время здесь осмотреться. Повезло, что он не приказал прислуживать себе, натирать шкуру маслами. Девушки из дома увеселения говорили, что ящеры это любят, хотя они много чего говорили. Те, кто пережил первую ночь с драконом, а пережили не все, многих растерзали. Мерзко, что мне предстоит с ним быть. Мерзко и страшно. Убийца, скорее всего, один из тех, что убили учителя и моих друзей. А может, это он громил мой родной город и выжигал площади, обращая металлические конструкции рекламных щитов, фонари, урны в пепел. Я помню, как это было по ту сто-

рону океана. И как их боялись, пока не поняли новые правила жизни. Сопротивление бесполезно, драконы почти бессмертны, все люди, включая меня, давно это уже уяснили. Клауса Инквизитор убил играючи, словно выкинул неуютную куклу. Росчерк острого когтя, и жизнь утекла. Впрочем, одаренных магией, драконы уничтожают намеренно, ищут их, а значит, чего-то боятся. Не бывает неуязвимых существ. Нужно просто-напросто отыскать их слабое место и свергнуть с украденного у людей пьедестала. Легко на словах и почти невыполнимо на деле.

Нельзя унывать, нужно встать и как следует осмотреться. Если погибну, ничто ничего не решит. Если суждено выжить, надо использовать каждый шанс для побега, каждую мелочь. А для этого ее ещё нужно найти и как следует изучить.

Заставила себя подняться из-за пустого стола, подойти ближе к окну. Высотка так и стоит черным памятником своему былому уюту. Хоть бы на минуту представить, что в ней и сейчас живут люди. Но стены пусты, и гулкое эхо, шум голосов, топот ребенка, ничто никого не тревожит, и к участковому некому обращаться по поводу ночной дискотеки. Ни электричества нет для музыкального центра, ни собственно участкового. Может, я вообще единственный человек тут на многие километры. То ли мне показалось, наверное, всё-таки показалось, то ли в окне появился флажок. В сумерках ничего толком не видно, расстояние до здания приличное,

даже слишком, и все же. Точно, мне машут флажком! Машут - громко сказать. Колышут его, как колыхал бы сквозняк. А на флажке нарисована веселая мордочка - смайлик. Неужели там есть человек? Кто-то живой в пустующем доме? Кто он? Может он что-нибудь мне расскажет? О судьбах городов, о Нижнем Новгороде, о моем доме?

Шлепанье босых ног раздалось прямо за мной. Я развернулась и заглянула очевидно в глаза своей смерти – в расплавленное золото драконьего глаза, в плавающий посередине черный зрачок.. Роковая ошибка. И глаз отвести не могу, тону, цепенею в хищном взгляде дракона. А если он сейчас заметит, что в доме напротив кто-то живёт? Уничтожит. Бежать! Отвлечь его от окна, рискнуть собой, мне уже нечего терять, хуже не будет, а людей можно спасти. Пусть даже ценой собственной жизни. Метнулась вбок и рванула изо всех сил в сторону кабинета. В стеллажах полно разных вещей, быть может, мне повезет ухватить оружие с первого раза и убить ненавистного зверя! Не бежит за мной, нет. Наступает неумолимо. Стремительные шаги мокрых ног впечатываются в пол. Оглянулась через плечо. На смуглом теле нет ни нитки одежды. И он вовсе не жаждет меня, скорее, даже наоборот, а глаза сверкают как фонари. Рыкнул и свет везде внезапно погас. В темноте, да ещё и обнаженного убить будет проще. Если это вообще возможно.

Глава 9

Роу

Лёд бассейна несколько отрезвил. Цель должна быть достигнута, как и всегда. Даже если она малозначительна с первого взгляда. Девушка, глупая людка, представляет для меня неоспоримую ценность. Манкая запахом и широкой палитрой самых вкусных эмоций, как странно и причудливо она умеет их между собою переплести. Даже сейчас их чувствую, порой очень остро. Уныние. Это пресно. Но ценно тем, что стоило мне уйти, как она испытала это чувство. Уже привязалась? Включился инстинкт - юная слабая самка боится остаться одна в незнакомом для себя месте? Тогда скоро пожелает сюда. Это хорошо, только не сорваться бы, не схватить. Впрочем, дальше порога девушка вряд ли пройдет. Пока я не овладел ее телом вполне, она будет меня опасаться.

Тоже инстинкт, справедливый надо сказать, жертва всегда опасается хищника, а любовником я для нее пока что не стал. И защиту она во мне может пока только предполагать. Сколько дней и ночей мне ждать, пока она окрепнет? Двое суток? Трое? Демонов Огерл, стоило дать девушке живительный эликсир, сэкономить он, что ли, решил на усладе? Будет наказан с особой жестокостью. Утром распоряжусь. Или людям этот эликсир не подходит? Вряд ли бы лекарь решил на ней сэкономить, жить хотят все и наг тоже не исключение.

Чувства услады окрасились в алый – цвет ярости под черным кружевом грусти. Красиво и терпко, истинный деликатес для гурмана, для менталиста. Прикрыть глаза и пить с наслаждением то, что девица так легко дарит мне. Услада. Следом за деликатесом пришла острая карамельная вспышка сомнения и огромное гулкое счастье с привкусом медовой надежды. Чуть не захлебнулся. Эмоции слишком богаты, мой разум не способен их охватить и выпить все сразу. Чему и кому она так обрадовалась? Нашла что-то? Я позабыл убрать оружие из столовой, ему обрадовалась, глупая самочка? Нет, не должна. Еде? Нашла сласти, которые я для нее же оставил в тумбе? Прислушался, ничего не грызет, было бы слышно. А может? Зверь очнулся от сна, может, увидела сквозь окно в моем дворе эльфов? Говорят, их мужчины могут привлечь своей красотой любую. Нет. Эльфов сюда никто бы не пропустил. Я нанял только их женщин для ухода за своею услугой. А счастье ее безмерно и упоительно. Пробил толстую корку застывшего льда, что так и не смогла вполне усыпить беснующегося во мне зверя, и вышел в столовую. Крадусь к своему трофею, стоящему у окна. Добыча хищника не замечает, так и смотрит на темную пустую коробку человеческого жилища. Глупая. Стремится к тому, чего нет, не замечает окружающей ее роскоши. Излишне резко услада обернулась на шорох и устала мне в глаза испуганным взглядом жертвы. Зверь ожил. Цель ясна и понятна. Незачем ее приручать, возиться тоже не стоит. Изломать и сожрать. Дра-

кониhi выглядят совсем по-иному. Это не самка, это всего лишь добыча. Стиснув зубы, силой воли душу опостылевшие инстинкты. Улыбнись она, подмигни мне, поправь волосы, и звериное наваждение пропадет. Но мы оба знаем, что этого сейчас не случится. Девушка всхлипнула и рванула зайцем в сторону кабинета. Медленно иду следом. Сейчас ещё есть шанс сдержаться, не тронуть, оставить целой. Оглянулась, и я утонул в ее страхе с ноткой обмана, лукавства. Не просто боится, а осознанно манит за собой? Ведёт меня? Пытается соблазнить ложным побегом? Зверю так проще понять, он начал принюхиваться, чуютъ в добыче самку, а не просто еду. Девушка рванула к стеллажу, доверху полному тех вещей, что принесут ей потом особое удовольствие. Проскочила мимо ядов, чудом не зацепив подолом одну любопытную взрывную игрушку, глубинную мину. Дурная. Сама напросилась. Чуть только оглажу, посмотрю ближе, так ли бела ее кожа под платьем, как и снаружи, покаты ли бедра, - сладок обман, поданный самому себе на любимой посуде. Знаю, что не сдержусь и сделать ничего с собой не могу.

Поймал за талию, положив ладонь на плоский живот, лишенный всякой приятной мягкости, притянул к себе и зарылся носом в пушистые светлые волосы. Вкусная. Пахнет едой сладко-сладко, а запаха желания нет. Значит, добыча? Прокусить горло и все? Встрепенулась, словно почуяла мои мысли, дернулась, заерзав по мне всем своим тощим тельцем, ткнула остреньким локотком. Хватит. Или я со-

жру усладу прямо сегодня, обернувшись в нормальную ипостась, или отмечу своим запахом. Выбросил облачко феромона. Тонкое пока, еле слышное. Услада вдохнула и немного закашлялась. С сожалением отстранил от себя и распол ее платье на две половины острым когтем. Белая спина, торчащие позвонки, узкая талия, неожиданно округлые бедра. Ладонями провел по ним, словно чтобы удостовериться, топорща когти, не имея возможности их убрать, не желая ранить тонкую кожу. А девица уже надышалась. Ей и такой малости хватило, чтобы откликнуться на призыв. Волнуется, не понимает реакции тела, и ничего с собой поделать не может – гнёт поясницу, льнет ко мне, пахнет так дивно, что сил сопротивляться не остаётся ни у меня, ни у зверя. И все же, не так сразу. Нужно дать ей ещё хоть минуту, чтоб не навредить. Подхватил под живот, развернул к письменному столу, развел в стороны бедра. Не противится, поддается без слов. Бери и делай все что захочешь. Феромон - великая сила. Потом будет и без него, если я не увлекусь чрезмерно и утром будет кого передать на руки Огерла. Острие когтя надавило на самое чуткое женское местечко, ничуть не поранив, не принеся ни малейшего неудобства. Услада вскрикнула и вильнула бедром. Мой феромон ее опьянил, раскрыл юный хрупкий цветок навстречу. Душу своего зверя, чтобы не навредить девице. Сладостное проникновение, как только растянуть это удовольствие дольше, чтоб дать ей подстроиться и привыкнуть, когда услада сама вьется в моих

руках, отдаваясь? Хрипло рычу, предостерегая ее неуместную резвость, удерживаю на месте, зажав своим телом к столу. Плавное движение, тонкий вздох девичьих губ, зверь бушует, требует насыщения хоть этого своего инстинкта и как можно скорей, разум велит наслаждаться неспешно, беречь, если и так не смог удержаться, взял в первую ночь. Подалась навстречу зову инстинкта, заполнил ее до конца собой, стонет и скребёт по столу крохотными ноготками, а я так и не могу спрятать свои чёртовы острые когти, чтобы погладить по изящной спине. Мягкий толчок, сплетение ее даже таких подчинённых феромону эмоций одурманивает меня самого. Чистые, искренние они будут стократ слаще, острее. Но это потом, а сейчас, к сожалению, так. Медленно и жадно владею, упиваясь каждым движением, запуская руку в ее светлую гриву, притягивая на себя, чуть зажав в пальцах шелковистые волосы у головы. На каждое мое действие слышу ноту восторга. Узость и напряжение, вибрация искреннего насыщения счастьем, прошедшая по ее податливому телу. Чем ближе я сам к заветному пику, тем тяжелее удастся себя удержать, движения становятся резкими, быстрыми, услада довольна, отзывается лёгкой дрожью внутри тела, гнется. Разум окончательно отступил, отдав свое место зверю. Из ноздрей валит дым, на спине острее проступают шипы, когти вспарывают мягкую обивку письменного стола. Клыки пронзают остриём губы, требуют оставить особую метку. Не сейчас. Чудом удастся себя удержать. Пусть я надел браслет

на ее запястье, пусть ничего непоправимого не случится, но метку ставить не стану. Рано. Излишне рано, напугаю. Такое из памяти ничем не сотрётся. Удержался, смог совладать с собой. Тело пробрало восторгом, словно огнем. Отступил, спрятал, наконец, когти, смягчил шипы. Услада моя так и лежит, распятая на столе, выгнувшись, подставляя взгляду самое сокровенное. Ее тонкий запах смешался с моим. Теперь точно ясно для чего предназначен этот трофей, и кто именно им обладает. Не спутаешь ни с чем густой смоляной запах драконьей страсти. Склонился, чтобы взять на руки. Льнет к груди, жметесь усталым зверьком. Отдохнёт на моем ложе, под одеялом из тонкого меха, и спать тоже будет на мне, ближе к сердцу. Манкое сокровище мое. Счастье, что кровью не пахнет, нигде и ничем не нарушил ее чрезмерно, все же сдержался. Веки чуть дрогнули, но глаза она не рискнула открыть. Даже слишком покорное мое чудо, мое наваждение.

- Мне в глаза ты теперь можешь смотреть. Зверь тебя принял, услада. Другим даже не смей. За попытку измены, за саму мысль, растерзаю тут же. Поняла?

- Да, господин, - синие глаза распахнулись, на миг мне почудилась в них золотая пыльца, проявление новорожденного магического дара. Лишь почудилась. В ее глазах я вижу отражение своих, полыхающих. Просто до этого никто не смел смотреть мне в глаза, находясь так близко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.